Заслуги нашего Духовенства

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАСЛУГИ НАШЕГО ДУХОВЕНСТВА ПРЕДЪ ПРЕСТОЛОМЪ И ОТЕЧЕСТВОМЪ

ИЗДАНІЕ
И. В. Преображенскаго

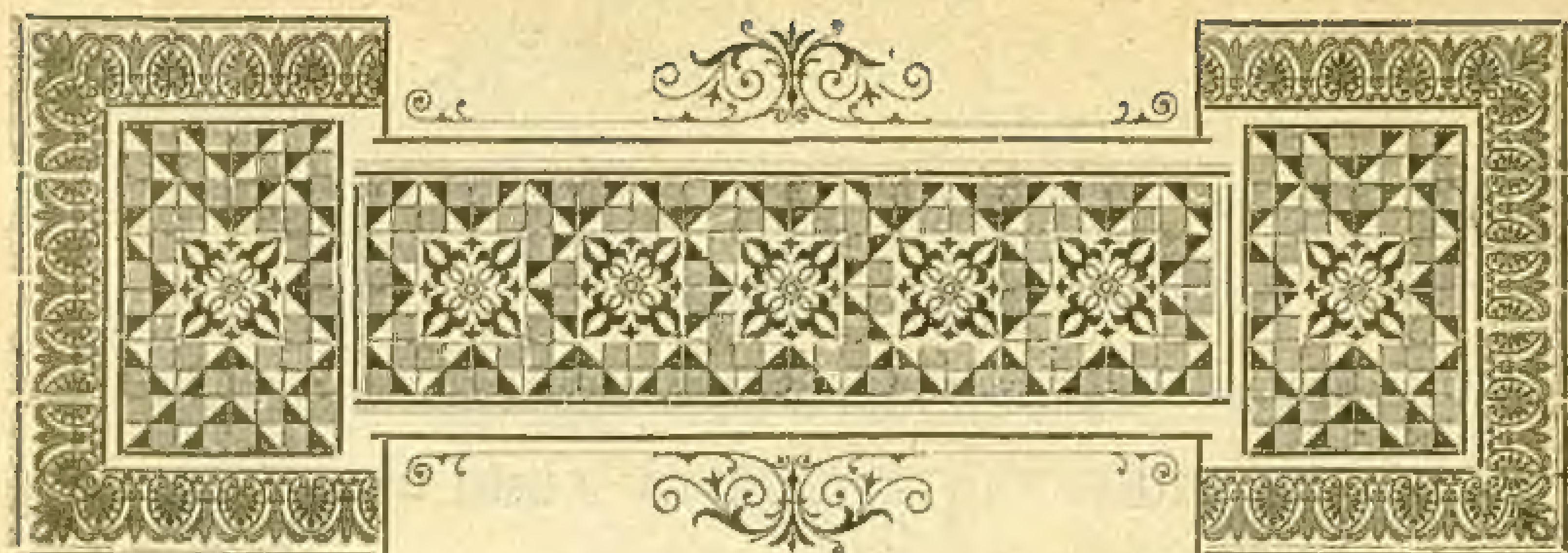

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Арнгольда, Литейный проспектъ, № 59.
1900.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 28 декабря 1899 г.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Владиміръ*.

Заслуги нашего православнаго духовенства предъ Престоломъ и Отечествомъ весьма разнообразны и настолько велики, что повѣствованія о нихъ составляютъ самыя выдающіяся, самыя свѣтлыя страницы исторіи русскаго народа. Наиболѣе славные изслѣдователи и знатоки прошедшихъ судебъ русскаго народа высоко цѣнятъ заслуги нашего духовенства и дѣлаютъ о нихъ самые лестные отзывы. По этимъ отзывамъ, духовенство наше сослужило въ исторической жизни нашего отечества такую великую службу, оказало ему такія благодѣянія, которыхъ нельзя даже измѣрить и оцѣнить по достоинству. Безъ чадолюбивой матери русскаго народа—св. православной Церкви, безъ ея служителей — пастырей духовныхъ, быть можетъ, давно уже и не существовало бы русскаго государства.

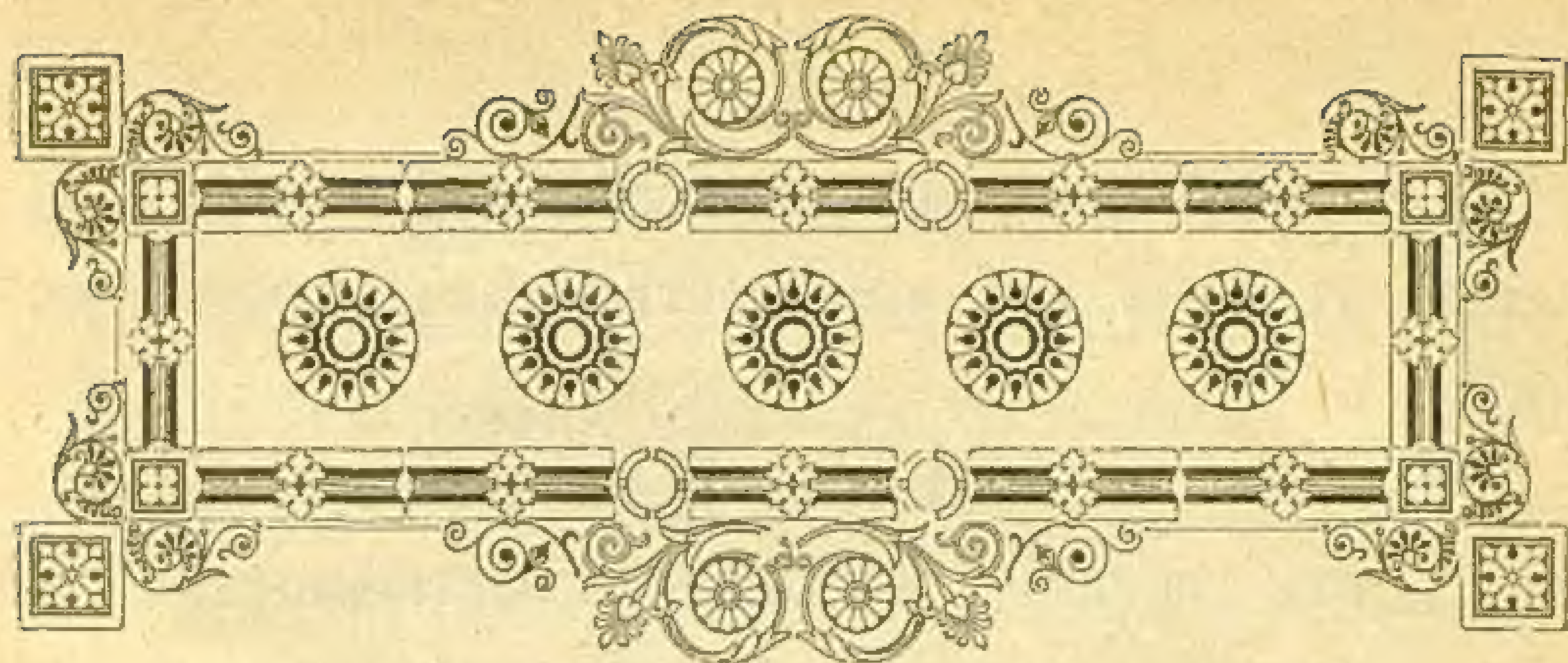
Долгъ справедливости и чувство благодарности

обязываютъ насъ знать и помнить историческія заслуги нашего духовенства.

Въ настоящей книжкѣ мы имѣемъ въ виду сначала ознакомить читателей съ тѣми отзывами, которые выдающіеся люди дѣлаютъ о заслугахъ нашего православнаго духовенства предъ Престоломъ и Отечествомъ, а потомъ представить въ отдѣльности примѣры особенныхъ, исключительныхъ подвиговъ добродѣтели и славы русскаго православнаго духовенства.

Издатель.

Отзывы объ историческихъ заслугахъ духовенства

«Отъ крещенія въ купели русскаго Іордана, въ струяхъ Днѣпра, въ теченіе девяти вѣковъ и до сего дня русскій народъ, —по словамъ одного просвѣщеннаго, горячо любящаго свое отечество мужа,—смотрѣлъ съ полною вѣрою и искреннимъ убѣжденіемъ на свою православную Церковь, какъ на чадолюбивую, одаренную свыше могучими, непреодоленными силами мать, какъ на вѣрную руководительницу и самую сильную помощницу на всѣхъ путяхъ его жизни... Вся наша исторія подтверждаетъ, что православная Церковь, въ лицѣ ея служителей, была для русскаго народа и царства зиждительною силою, щитомъ и огражденіемъ; что ей и самодержавію, охраняемому Церковію, ученіемъ Евангелія, обязанъ русскій народъ

тѣмъ, что онъ возросъ и возмужалъ въ міровую семью въ одно изъ могущественныхъ царствъ въ мірѣ»[1]).

Безъ вѣры въ истиннаго Бога, безъ страха Божія, безъ развитія высшихъ нравственныхъ началъ,—однимъ словомъ—безъ просвѣщенія, человѣкъ или данный народъ—тѣ же дикіе звѣри. Но кто просвѣтилъ и продолжаетъ просвѣщать русскій народъ? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ приснопамятный святитель Москвы митрополитъ Филаретъ, въ такой полнотѣ изучившій духъ, сердце и прошедшія судьбы русскаго народа. «Со времени принятія христіанства и до настоящаго времени, говоритъ безсмертный святитель, русскій народъ не имѣлъ другихъ учителей, кромѣ духовенства, т. е., пояснимъ, служителей православной Церкви, устами которой они и учили. Духовный отецъ, испытующій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ во храмѣ, освящающій ихъ таинствами, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ, торжественныхъ случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и

[1]) Слова эти принадлежатъ И. У. Полимпсестову и заимствованы нами изъ прекрасной статьи его подъ заглавіемъ: «*Мать св. Церковь и мы русскіе люди*», помѣщенной въ журналѣ «Странникъ», за 1891 годъ въ февральской книгѣ. Изъ этой статьи г. Полимпсестова мы заимствуемъ нѣсколько страницъ.

начальникъ сельскаго училища, и что духовенство, или, прибавимъ, въ лицѣ его православная Церковь, оправдало призваніе наставленіемъ народа, тому доказательствомъ служитъ вся русская исторія. Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ поляками, а потомъ съ французами: онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностію своею послѣ объявленія ему Положенія 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіи 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—Церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ».

Мать или отецъ съ большею силою проявляютъ свою любовь къ дѣтямъ, имѣя о нихъ самое большое попеченіе, во время постигшаго ихъ несчастія, наприм. болѣзни и т. д.; это проявленіе родительской любви становится въ особенности памятнымъ и дѣтямъ. Надъ русскимъ народомъ болѣе двухъ столѣтій тяготѣло татарское иго, до того тяжелое, что онъ могъ бы исчезнуть даже съ лица земли. Но кто поддерживалъ народный духъ въ это тяжелое время? Кто помогъ русскому народу свергнуть съ себя страшное иго дикихъ татарскихъ ордъ? Вотъ какъ отвѣчаетъ на эти вопросы безсмертный нашъ историкъ Н. М. Карамзинъ. «Если

мы въ два столѣтія, ознаменованныхъ духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе вѣры; она удержала насъ на степени людей, гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ униженіи имени *русскаго* мы возвышали себя именемъ *христіанъ* и любили отечество, *какъ страну православія*».

Припоминаемъ другое тяжелое время, тяготѣвшее надъ русскимъ царствомъ, такъ называемое смутное время; и здѣсь православная вѣра является первою народною или государственною силою, сокрушившею враговъ, отстоявшею цѣлость русскаго государства и возстановившею въ немъ законную верховную власть. Православная Церковь, въ лицѣ Троицкаго Сергіева монастыря, въ это время разсылала по русской землѣ грамоты, призывая всѣхъ и каждаго спасти отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ родную землю. И «Троицкія грамоты,—грамоты православной Церкви, говоритъ другой незабвенный нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, не могли остаться безъ дѣйствія, народъ готовъ былъ встать (и всталъ) какъ одинъ человѣкъ, непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ юнаго народа, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ

для спасенія вѣры, угрожаемой врагами внѣшними».

Третій нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, посвятившій такъ много трудовъ на изученіе этого роковаго для русскаго царства и народа смутнаго времени — времени самозванцевъ и покушенія со стороны Польши завладѣть русскою землею, говоритъ: «Государство Московское какъ ни долго составлялось, но въ эти печальные годы стало показывать признаки разложенія. Но въ Руси крѣпче государства была другая соединяющая связь—вѣра. Псковичъ, новгородецъ. русскій казанецъ, сибирякъ, казакъ, всѣ чувствовали одинаково, что они православные, всѣ люди одной русской вѣры, принадлежатъ одной Церкви. Въ житейскихъ бѣдахъ, не находя ни средствъ, ни способовъ избавиться, русскій человѣкъ видѣлъ единственную отраду въ упованіи будущей жизни. а къ ея достиженію вела Церковь.—понятно, что народъ сохранялъ въ ней то. что было дороже, что оставалось въ утѣшеніе тогда, когда все отнималось; понятно. поэтому, что чѣмъ угнетеннѣе его положеніе, тѣмъ онъ живѣе ощущаетъ важность Церкви: тутъ всѣ одинаково чувствовали, одинаково мыслили и всѣ одинаково поднимались противъ поляковъ, когда убѣдились, что поляки, овладѣвъ Москвою, посягнутъ на эту святыню. Нельзя сказать, что больше под-

нимало русскій народъ—страхъ ли польскихъ насилій надъ своими тѣлами и «животами», или страхъ за вѣру; и то, и другое соединилось вмѣстѣ. Вообще надобно сказать, *что духовенство главнымъ образомъ боролось съ врагами вѣры и отечества, что ему главнымъ образомъ и принадлежитъ та заслуга, что съ одной стороны православіе русскихъ въ это время осталось цѣлымъ, а съ другой и государство русское осталось навсегда независимымъ, самостоятельнымъ*».

«Въ этой борьбѣ,— говоритъ о томъ же смутномъ времени еще одинъ изслѣдователь судебъ русскаго царства, профессоръ Подгурскій,—народъ выстрадалъ свою самобытность, почувствовалъ, что у него остается еще много богатыхъ данныхъ для будущаго, и, собравшись съ свѣжими силами, началъ развивать эти данныя въ своей жизни. Но въ этомъ періодѣ, въ этой борьбѣ нельзя не остановиться съ благодарнымъ вниманіемъ на русской Церкви и не признать за нею огромнаго значенія. Церковь, въ лицѣ своего духовенства, помогла народу выстрадать свою самобытность, пробудивъ въ немъ своимъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ угасавшія силы любви къ отечеству и вѣрѣ».

Мы могли бы привести не мало свидѣтельствъ мужей науки, изучавшихъ судьбы русскаго народа, что и во времена княжескихъ междоусобій, отъ

которыхъ русское государство распадалось на части и лились потоки родной крови, постоянно раздавался миротворный голосъ чадолюбивой матери православной Церкви, и этотъ голосъ помогъ русскому народу сплотиться въ одну родственную семью подъ скипетромъ единодержавнаго вождя—Царя, подъ мощную руку котораго, при помощи той же православной вѣры, подчинилось не мало другихъ племенъ, теперь составляющихъ одну съ русскими народами неразрывную, родственную семью.

«А въ достопамятную войну двѣнадцаго года?- раздается голосъ съ церковной каѳедры одного изъ глубокомысленныхъ пастырей церкви, протоіерея М. Некрасова. Не силой-ли вѣры спасена Россія? Эта вѣра подняла весь народъ на защиту отечества; она научила собирать войска безъ военноначальниковъ: она мирныя селенія обратила въ укрѣпленные станы, она ополчила на брань не только мужей, но и женъ. Она неграмотныхъ поселянъ сдѣлала ораторами, которые своими пламенными рѣчами воодушевляли своихъ односельцевъ; она лицъ, никогда не бравшихъ оружія, сдѣлала и тактиками, и стратегами».

Припомнимъ самую блестящую страницу изъ тысячелѣтней жизни русскаго народа—освобожденіе имъ отъ многовѣковаго рабства славянъ (сербовъ и болгаръ), родныхъ ему по вѣрѣ и крови.

Что побудило русскій народъ къ этому подвигу, который стоилъ ему столькихъ потоковъ драгоцѣнной крови и другихъ народныхъ жертвъ? что вызвало его на брань съ поработителями, на брань, гдѣ на поляхъ битвъ стоялъ самъ верховный Вождь его (Императоръ Александръ II-й). Его братья и Наслѣдникъ русскаго Престола, подвергая себя всѣмъ случайностямъ войны? Что здѣсь воодушевляло наше христолюбивое воинство на тѣ геройскіе подвиги, на самоотверженіе, которымъ положительно нѣтъ примѣровъ въ исторіи всего человѣчества?

Что? мелочное честолюбіе стоявшихъ во главѣ народа? Народная гордыня? Корыстные виды? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Это признаетъ весь міръ. Что же?— Одна Евангельская любовь. А эту любовь кто вдохнулъ и возгрѣваетъ въ русскомъ народѣ?— Св. православная Церковь, ея служители. Эта страница въ нашей исторіи дѣйствительно есть самая блестящая, какъ отблескъ Евангельскаго свѣта: подобной страницы нѣтъ въ исторіи всего человѣчества: она украшеніе. честь, гордость русскаго народа, и ее могла написать своими перстами только одна св. Церковь.

Вотъ и еще замѣчательный отзывъ о заслугахъ нашей Церкви и нашего духовенства, дѣлаемый однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей.

Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевымъ. Какъ извѣстно, въ 1888 году 15 іюля, вся Россія, всѣ родственные намъ славянскіе народы, весь православный міръ торжественно праздновалъ величайшее событіе въ исторіи русскаго народа—принятіе имъ 900 лѣтъ тому назадъ православной вѣры по чину греко-восточной Церкви и благоговѣйно чествовалъ святую память великаго просвѣтителя Руси, Св. равноапостольнаго Князя Владиміра. Главнымъ мѣстомъ торжества былъ Кіевъ—благодатная купель русскаго народа. матерь городовъ русскихъ. Сюда на время праздниковъ съѣзжались многіе выдающіеся дѣятели какъ русскіе, такъ и славянскіе. Почетнѣйшимъ гостемъ на кіевскихъ торжествахъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ. Эти-то торжества и представили ему поводъ и случай высказаться о великомъ значеніи въ жизни русскаго народа православной Церкви и о заслугахъ нашего духовенства.

Проникнутыя горячимъ чувствомъ, художественныя и глубоко поучительныя рѣчи К. П. Побѣдоносцева по этимъ предметамъ были слѣдующаго содержанія:

«Мы празднуемъ въ благодарномъ трепетѣ передъ Богомъ 900-лѣтіе величайшаго событія въ нашей исторіи. Въ эти 900 лѣтъ совершилось надъ нами чудо судебъ Божіихъ: изъ грубаго разсѣян-

наго языка славянскаго возникло великое государство, выросло народное сознаніе, собралась земля русская черезъ Кіевъ въ Москву. Разрушались вокругъ царства славянскихъ племенъ подъ игомъ иновѣрныхъ. Русскому народу Богъ далъ удержаться, вырости, вынести тяжелое иго степныхъ варваровъ, сбросить его съ себя, пережить и преодолѣть бѣдственное безначаліе, отразить римско-польскую напасть, вернуть свои отхваченныя врагами окраины, добраться до моря, укрѣпиться въ силѣ и славѣ русскаго оружія, утвердиться незыблемо въ вѣрѣ, заповѣданной предками.

Не нашею силой все это совершилось, а силою Божіей въ судьбахъ нашего народа. И явилась сила Божія въ Церкви православной, въ которую вошелъ языкъ нашъ 900 лѣтъ тому назадъ водительствомъ святаго благовѣрнаго великаго князя Владиміра. Благословенъ и блаженъ этотъ день, положившій твердое основаніе судьбамъ нашимъ! Что бы съ нами сталось безъ *этой* Церкви—страшно и подумать! Она одна помогла намъ остаться *русскими* людьми, собрать свои разсѣянныя силы, одушевила и вождей и народъ, дала ему терпѣніе пережить страшныя невзгоды отъ голода и мора, и отъ своихъ лихихъ людей и отъ чужихъ—и одолѣть враговъ своихъ; посылала сыновъ земли на-

шей умирать за свою землю, научила разсыпанное стадо собираться около пастыря.

Съ Востока, откуда возсіялъ свѣтъ Христовъ всему міру, приняли мы вѣру свою, приняли церковные уставы, приняли несказанную, несравненную красоту Богослуженія и въ него вложили свою русскую душу глубокимъ и могучимъ словомъ своего языка и чуднымъ звукомъ родной своей пѣсни. И еще—не русская-ли душа—одна—изукрасила и возлюбила у себя тотъ чудный звукъ русскаго колокола, который такъ таинственно будитъ ее и зоветъ въ церковь и отъ земли—домой, на небо! Отъ древняго древа, насажденнаго на Востокѣ апостолами и святителями вселенской Церкви, приняли мы могучее зерно, и вотъ, изъ него выросло на земли нашей то же единое съ нимъ сѣннолиственное древо и укрыло всю землю подъ своей сѣнью и привлекаетъ подъ сѣнь свою единоплеменные языки и своихъ намъ инородцевъ, коимъ радостно даемъ мы и Евангеліе, и службу церковную на родномъ ихъ нарѣчіи.

Отцы и братіе! Что милѣе и любезнѣе, что дороже Церкви всѣмъ намъ—и великимъ, и малымъ, какая красота милѣе и сочувственнѣе церковной красоты для русскаго сердца! Церковь—мать родная и милая русскому человѣку—всѣ мы дѣти ей и если кто блуждаетъ отъ нея далече, —тѣ, Богъ

ластъ, вернутся еще въ родительскій домъ, къ матери. Храмъ нашъ —это домъ русскому человѣку, домъ самый ближній, гдѣ всѣ равны отъ мала до велика, всѣ имѣютъ и находятъ свое мѣсто, всѣ почерпаютъ одинаково радость и утѣшеніе. Тутъ наша сила, тутъ тайная сокровищница судебъ нашихъ, тутъ хранилище драгоцѣннѣйшихъ нашихъ преданій и родникъ силъ нашихъ, которымъ суждено еще явиться въ будущемъ, если въ будущемъ, оправдаемъ мы дѣлами правды и любви всю истину нашей вѣры.

Да поможетъ намъ Богъ! Для того мы и собрались сюда, чтобы воспомянуть Его великую милость къ русскому народу и отъ полноты сердца, горящаго любовью къ родинѣ, благодарить Его и молить, да оправдается въ дѣлахъ нашихъ и въ судьбахъ нашихъ наша вѣра, да возрастаетъ и процвѣтаетъ наша великая Церковь,—Церковь единая съ народомъ и народъ единый съ Церковью»!...

«Въ нынѣшній день почтимъ благодарною памятію великое служеніе русскаго духовенства. Изъ его среды вышелъ цѣлый сонмъ не только іерарховъ и священно-служителей, но и людей науки и мужей государственныхъ русскаго духа... Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ коихъ живетъ и дѣйствуетъ наше духовенство, особливо сельское, у того слово суда, готовое для недостойныхъ,

умолкнетъ предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими, безвѣстно труждающимися посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, въ великой нуждѣ, въ холодѣ, въ голодѣ, въ нищетѣ и нерѣдко въ обидѣ. Легіоны этихъ тружениковъ стоятъ уже предъ Богомъ молитвенниками за насъ,—*и на ихъ костяхъ стоитъ наша Церковь. Но и нынѣ сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созиданіемъ! Слава и честь духовенству нашему,* и да умножитъ ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительства словомъ и дѣломъ!»

Да, сообразивши все, что сдѣлала для русскаго народа и царства православная вѣра, нельзя не признать, что это была и есть для нихъ воистину зиждительная и животворная сила, и ей мы обязаны самыми выдающимися страницами нашей исторіи.

⁂

Духовенству мы обязаны отечественными лѣтописцами [1])

Почти всѣми лѣтописями, изъ которыхъ почерпаемъ свидѣтельства о томъ, откуда пошло и какъ строилось русское государство,—объ общественной и домашней жизни нашихъ предковъ отъ Царя до земледѣльца, о дѣяніяхъ и нравственности всѣхъ классовъ русскаго народа, и о проч.; почти всѣми такими *письменными отечественными памятниками* обязаны мы нашимъ духовнымъ. Лѣтописцы: Іоакимъ, епископъ Новгородскій, преподобный Несторъ, Селиверстъ, его продолжатель, Авраамій Палицынъ и другіе—всѣ они были служителями алтарей вѣры, наставниками священной нравственности и возвѣстителями славы и добро-

---

[1]) Настоящая статья и слѣдующія три заимствованы нами изъ старинныхъ книгъ, составленныхъ *Сергѣемъ Глинкою* и озаглавленныхъ: «Русскіе анекдоты или повѣствованіе о народныхъ добродѣтеляхъ россіянъ древнихъ и новыхъ временъ». Москва. 1822 г. Ч. I.

дѣтелей нашихъ предковъ. Въ обителяхъ, посвященныхъ Богу, хранились отечественные памятники, долженствующіе поучать потомковъ. Наши духовные дѣеписатели о нравахъ и добродѣтеляхъ судили не по превратнымъ свѣтскимъ умствованіямъ, но по непреложнымъ предписаніямъ Божественнымъ, они предлагали не выдумки свои, но то, что было, и что происходило въ вѣкахъ прошедшихъ.

Что такое лѣтописецъ или историкъ? Онъ есть изобразитель минувшихъ вѣковъ и людей, оставившихъ въ нихъ слѣды бытія своего. Поэтому онъ не долженъ изобрѣтать и переиначивать; онъ долженъ представлять каждый вѣкъ въ подлинномъ его видѣ; онъ долженъ изображать добродѣтели и пороки, и здравомысліе и заблужденія; онъ обязанъ быть вѣщателемъ истины для того чтобы его современники и потомки видѣли, что утверждало ихъ предковъ въ добродѣтели, и что увлекало ихъ на пути страстей и пороковъ. Такимъ образомъ, исторія его будетъ подлиннымъ зеркаломъ временъ давно-прошедшихъ.

Исторія есть второе бытіе народовъ и царствъ всемірныхъ; посредствомъ исторіи многіе возстаютъ изъ праха земнаго: одни, чтобы поучать насъ славою и добродѣтелью; другіе, чтобы снова принять стыдъ и поношеніе.

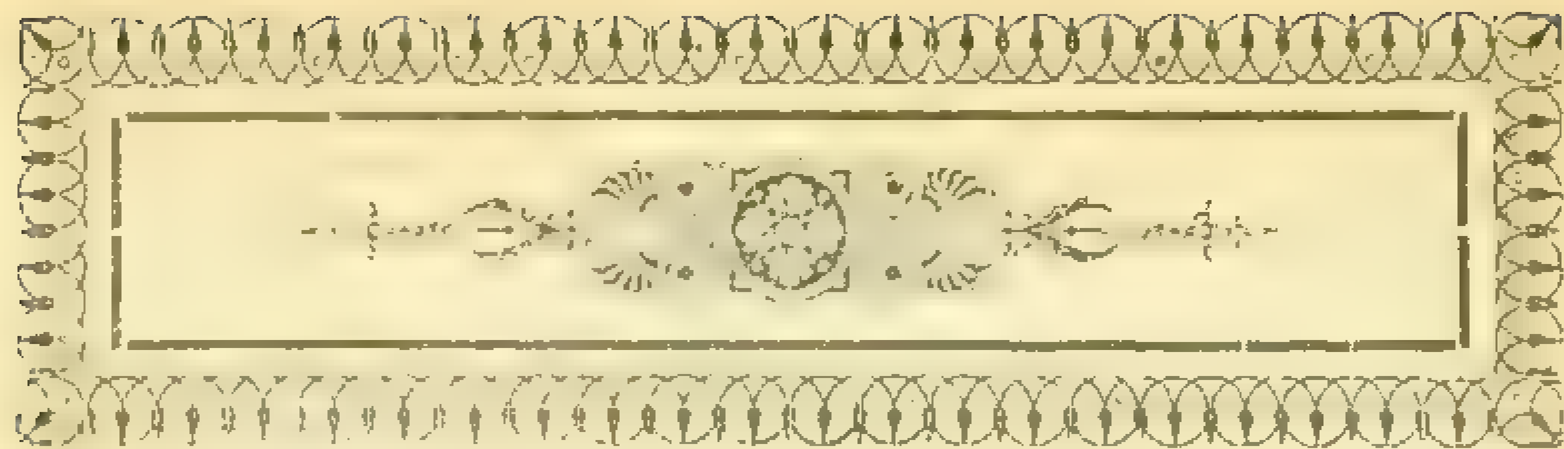
Наши духовные дѣеписатели убѣждены были,

что необходимо должно сохранять дѣянія предковъ. Они читали въ священныхъ книгахъ: *похвалимъ убо мужи славны и отцы наши въ бытіи.* Правда, они не всегда хвалили, потому что писали не священную, но мірскую исторію. Въ однѣхъ только священныхъ книгахъ, какъ будто-бы мимоходомъ, говорится о людяхъ порока и страстей, и то для того только единственно, чтобы показать, что молва о нихъ прошумѣла и навсегда исчезла...

Многоцѣнное достоинство нашихъ духовныхъ лѣтописцевъ заключается въ томъ, что они жизнь и дѣяніе нашихъ предковъ изображали въ связи съ ихъ вѣрою и благочестіемъ. Ихъ дѣеписанія подтверждаютъ ту непреложную, высказанную и словомъ Божіимъ, истину, что благочестіе созидаетъ царства, а нечестіе ихъ разрушаетъ. Мы теперь можемъ понять, почему о лѣтописателѣ Несторѣ сказано: *Несторъ преподобный, сей описатель житій и лѣтъ, нетлѣнное себѣ жилище на небеси написа.*

По долгу благодарности запечатлѣемъ навсегда въ сердцахъ нашихъ духовныхъ писателей. Безъ ихъ усердія и старанія, говоря ихъ же словами, *слава и добродѣтели предковъ нашихъ остались бы во мракѣ невѣдѣнія и забвенія.*

Духовенство надзирало надъ всѣми благотворительными заведеніями

Ученіе вѣры основано на любви и милосердіи: начальное водвореніе вѣры христіанской въ Россіи ознаменовалось любовью и милосердіемъ. Озарясь св. православною вѣрою, великій князь Владиміръ учреждалъ общенародныя празднества для бояръ, для градскихъ старцевъ, и раздавалъ убогимъ имѣніе, убѣдясь, что нетлѣнное сокровище не на земли, но въ небесахъ. Въ то же самое время новые пастыри вѣры христіанской, съ согласія князя земли русской, при церквахъ и монастыряхъ учредили больницы, бани, и при нихъ назначили врачей. Что подъ духовнымъ вѣдѣніемъ находились еще со временъ князя Владиміра бани и больницы, о томъ ясно свидѣтельствуютъ слѣдующія краткія и удостовѣрительныя слова: *и бани ихъ, и врачи ихъ; больницы и врачи ихъ*. Въ эти благотворительныя

убѣжища призывалось страждущее, болящее и неимущее человѣчество; предъ лицемъ новосозданныхъ храмовъ вѣры, въ присутствіи, такъ сказать, самаго Бога, страдальцы, обновляясь душею, получали цѣленіе и крѣпость тѣлесную.

Въ одномъ старинномъ русскомъ Лѣтописцѣ находится такая рѣчь: *аще кто прибѣгнетъ ко святымъ церквамъ, то велику пользу пріиметъ души своей и тѣлу*. Душа оживотворялась ученіемъ вѣры, а здоровье бѣдныхъ страдальцевъ укрѣплялось подъ благодѣтельнымъ призоромъ пастырей церкви.

Совѣтъ духовныхъ князю Владиміру

Просвѣтившись свѣтомъ спасительной вѣры, Владиміръ сталъ новымъ человѣкомъ. Владиміръ язычникъ блисталъ великолѣпіемъ, пышностью, громкими побѣдами; Владиміръ христіанинъ одушевился любовію къ ближнимъ, милосердіемъ, жалостію и состраданіемъ. Всѣ бѣдные, больные, неимущіе были имъ призрѣны, взысканы, снабжены всѣмъ необходимымъ для пищи и одѣянія. Для тѣхъ страдальцевъ, которые, по старости лѣтъ и по болѣзнямъ, не могли сами приходить ко двору нищелюбиваго князя, развозили по улицамъ всякое продовольствіе и спрашивали: *гдѣ больніи, и нищіи, и немогущіи ходити!* Служеніемъ ближнимъ воздалъ онъ первую жертву Богу, Отцу и Заступнику страдальцевъ. Но въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ совершенства. Милосердіе Владиміра дошло до послабленія, вреднаго общественному благо-

устройству. Должествуя, по сану и власти своей, охранять добрыхъ и воздерживать злыхъ, Владиміръ пересталъ наказывать даже и разбойниковъ. Духовные, усмотрѣвъ успѣхи зла, заявляли князю: *умножились разбойники, почто не казнишь ихъ!* Владиміръ отвѣчалъ: «боюсь грѣха». Духовные возразили: «Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе; должно казнить разбойника, но со вниманіемъ» (т. е. съ осторожностію, осмотрительно, убѣдившись предварительно въ его виновности). Въ то самое время пастыри Церкви присовѣтовали ему, для безопасности русской земли, содержать вооруженную рать какъ пѣшую, такъ и конницу.

Владиміръ снова завелъ войско и водворилъ общественное благоустройство.

Вѣра христіанская, искореняя зло и вредъ при самомъ началѣ, утверждала въ отечествѣ нашемъ все полезное. Благодарность и справедливость велятъ намъ помнить, что утвержденіемъ полезнаго обязаны мы наставникамъ вѣры и пастырямъ Церкви.

Разсмотрѣніе духовнаго поученія русскимъ Вѣнценосцамъ *)

Отъ древнихъ временъ сохранилось примѣчательное духовное поученіе русскимъ Вѣнценосцамъ. Изъ этого поученія видно, какіе совѣты и мысли, на пользу государства, внушали и отъ Слова Божія и отъ собственнаго разумѣнія духовные пастыри самимъ Вѣнценосцамъ.

Упомянувъ вначалѣ поученія, что самъ Богъ вручаетъ русскимъ Вѣнценосцамъ хоругви и ски-

) Поученіе это входило въ составъ древнихъ царскихъ чиновъ вѣнчанія на царство, при чемъ оно не было, такъ сказать, личнымъ поученіемъ іерарха, предстоятеля Церкви Коронуемому, а составляло существенную часть самого чиноположенія и имѣло здѣсь такое же значеніе, какъ и церковныя молитвы. Оно повторялось при всѣхъ царскихъ древне-русскихъ коронованіяхъ. Это былъ голосъ самой Церкви, дышавшій святою важностію и говорившій свойственнымъ ей языкомъ («Древне-русск. памятники священ. вѣнчанія Царей на царство»* Е. В. Барсова. Москва. 1883 г. стр. XXIX). С. Глинка разсматриваетъ поученіе по списку *«Древн. россійск. Вивліоѳики»* VII т.

Издатель.

петръ, вслѣдъ за симъ духовные наставники представляютъ, въ чемъ заключается первая и главная обязанность правителя народа: «И ты», вѣщаетъ поученіе: «Боговѣнчанный, православный Царь и великій Князь, всея Россіи Самодержецъ, первѣе имѣй страхъ Божій, то бо есть начало всему благому, яко же Давидъ глаголетъ: «*начало премудрости страхъ Господень, разумъ же благотворящимъ, и хвала его пребываетъ во вѣкъ вѣка*».

Добрыхъ и послушныхъ подданныхъ Царь долженъ, такъ сказать, обнимать всею любовію своего сердца; онъ обязанъ также примѣромъ своимъ внушать уваженіе къ вѣрѣ, къ святымъ обителямъ и къ пастырямъ Церкви: «Также», вѣщали духовные: «сохрани вѣру Христіанскую, Греческаго закона, чисту и непоколебиму, и соблюди царство свое чисто и непорочно, яко зѣницу ока, яко же нынѣ пріялъ еси отъ Бога, и люби правду, милость и судъ правый. Къ послушнымъ милостивое сердце имѣй; ко святой соборной Церкви и ко всѣмъ православнымъ Церквамъ имѣй вѣру и страхъ Божій, и воздавай честь: понеже въ ней, Царю, второе порожденъ еси отъ святыя купели духовнымъ своимъ порожденіемъ. Ко святымъ честнымъ монастырямъ велію вѣру держи, по

данной тебѣ отъ Бога царской власти; къ нашему смиренію и ко всѣмъ своимъ богомольцамъ о Святомъ Духѣ Царское свое повиновеніе имѣй, по Христову Евангельскому словеси, ко святымъ своимъ Ученикамъ и Апостоламъ глаголющу: *«слушаяй васъ, Мене слушаетъ, отмѣтаяйся васъ, Мене отмѣтается и Пославшаго Мене»*. И сего ради, елико кто воздаетъ честь святителю, и та честь къ самому Христу восходитъ, отъ Него же и мзду пріимутъ сторицею».

Русскіе духовные, по долгу своего званія и для блага общественнаго, старались всегда внушать уваженіе ко всему тому, что относится къ исповѣданію вѣры, старались подвигнуть къ истинной добродѣтели. Въ чемъ же благочестивые русскіе духовные полагали истинную добродѣтель, послушаемъ о томъ поученіе, возвѣщаемое Русскимъ Вѣнценосцамъ. «Братію же свою по плоти, о благочестивый Царь и Боголюбивый, люби и по присному своему духовному союзу и по божественному Апостолу: *«любяй бо, рече, брата своего въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ»*. Бояръ же своихъ и вельможъ милуй и береги ихъ по отечеству». Беречь по отечеству, то есть не только помнить и цѣнить личныя заслуги, но и не забывать заслугъ предковъ. «Ко всѣмъ же

Княземъ и Боярамъ», продолжаетъ поученіе: «и дѣтямъ боярскимъ и ко всему Христолюбивому воинству буди приступенъ и милостивъ и привѣтенъ по Царскому своему сану и чину. всѣхъ православныхъ христіанъ блюди и жалуй и попеченіе о нихъ имѣй отъ всего сердца». По словамъ русскихъ духовныхъ, Царское сердце должно быть на неустанной стражѣ блага каждаго подданнаго. Чертоги и душа Вѣнценосца должны быть каждому отверсты. Царь тогда только живетъ съ Богомъ, когда живетъ для своего народа. «Такъ-ли,- замѣчаетъ г. Глинка,- наставляютъ гордость и невѣжество?.. Боже! избави насъ отъ того просвѣщенія, которое разрываетъ всѣ общественные союзы и расторгаетъ связь души и сердецъ съ вѣрою и небесами».

Во всѣхъ обществахъ человѣческихъ есть добрые и злые. Нерѣдко добродѣтель и невинность утѣсняются злобою и неправотою сильныхъ. Кто же защититъ гонимую добродѣтель, кто вступится за слабую и безкровную невинность? Русскіе духовные, обращаясь къ Царю, вѣщаютъ: «За обидимыхъ стой Царски и мужески, и не попускай, и не давай обидити не по суду и не по правдѣ: сего бо ради пріялъ еси скипетръ правити хоругви великаго царства Россійскаго: и разсуди и прави люди твоя въ правду .

Православный Царь, охраняя правосудіе общественное, долженъ также остерегать подданныхъ своихъ отъ всякаго порока, помрачающаго вѣру, безъ которой мертва нравственность и бездѣйственны законы. «Блюди и храни», вѣщаетъ Царю поученіе: «блюди подданныхъ своихъ бодрственно отъ дикихъ волковъ губящихъ, да не растлятъ Христова стада словесныхъ овецъ отъ Бога даннаго ти и врученнаго стада Христова».

Иноплеменное злоумышленіе издавна домогалось посѣять въ отечествѣ нашемъ сѣмена пагубы и разврата. Еще во время князя Александра Невскаго одинъ коварный и хитрый западный посланникъ хотѣлъ поколебать въ Россіи вѣру праотеческую. Князь Александръ Невскій на всѣ ухищренія отвѣчалъ: «Ученіе наше основано на вѣщаніи божественномъ: имъ живемъ и умремъ съ нимъ». Такой мужественный и великодушный стражъ вѣры и правды дѣйствительно въ лицѣ своемъ соединяетъ «Ангельскій и священническій чинъ». Поученіе гласитъ: «всякъ бо правдивый Князь ангельскій и священническій чинъ имѣетъ».

Добродѣтели народа непосредственно сопряжены съ добродѣтелями Вѣнценосца; примѣръ его, подобно солнечному сіянію, все озаряетъ и все

устраиваетъ. Затмится добродѣтель на Престолѣ, и все въ обществѣ помрачится, разстроится и низпровергнется. Русскіе духовные разительно описали силу царскаго примѣра. «Православнымъ Царемъ», вѣщаютъ они: «не токмо о себѣ пещися и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати подобаетъ: и боятися серпа небеснаго и не давати воли зло творити человѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляютъ: [яко же бо солнцу не сущу, темно суть все и неразсудно; спце и наказанію души не сущу, все разметано».

Добродѣтельные Цари, не нарушая правъ народныхъ, сами утверждали, что сила ихъ власти умножается силою правосудія. Екатерина Вторая, высказываясь о семъ въ своемъ «Наказѣ», продолжаетъ: «*все сіе не можетъ [понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ, мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа*».

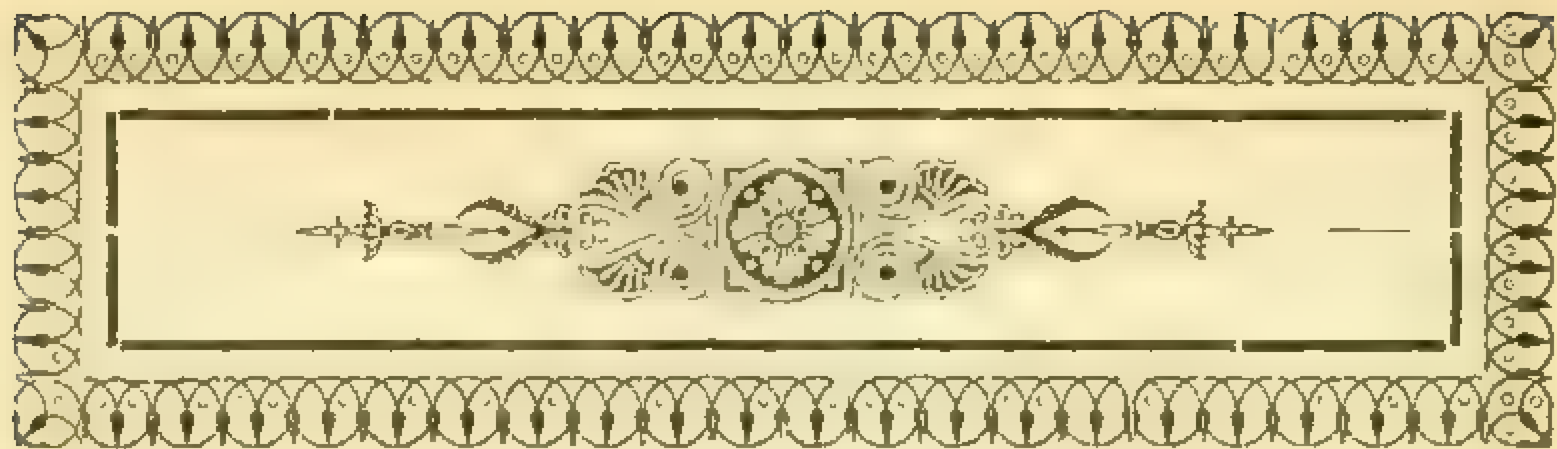
Русскіе духовные за нѣсколько вѣковъ до XVIII столѣтія то же самое объяснили, что начертала премудрая Екатерина. Они вѣщали новопоставляемому Царю: «Величаешися силою и властію, но сила твоя человѣки поставляема». Въ чемъ

же предки наши заключали истинное достоинство Вѣнценосца? Въ томъ, чтобы онъ владычествовалъ надъ своими страстями. «Поставленъ бо еси Царь», вѣщаетъ поученіе: «то буди Царь самъ себѣ; владыко бо и Царь, не его же зовутъ, той есть; но сей, иже умъ имѣетъ правый; аще же того не будетъ въ немъ, то вотще имя свое носитъ; велику ли власть человѣкъ пріиметъ, великъ и умъ надобно имѣти».

Убѣждая въ сихъ истинахъ Князей и Царей, русскіе духовные отнюдь не возбуждали народъ противъ законной власти: напротивъ того, согласно съ книгами Священнаго Писанія, они утверждали, что всякая власть отъ Бога происходитъ. Русскіе духовные во всякое время, утверждая народъ въ вѣрѣ и вѣрности, ревностно поучали и Царей. Внушая Вѣнценосцамъ кротость, правоту и милосердіе, они вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегали ихъ отъ гордости и самовластія. Русскіе духовные, обращаясь къ Коронуемымъ, вѣщали имъ такими словами: «Аще ли речеши въ себѣ: не имамъ ли меча, не имамъ ли власти имѣнія отъяти? Азъ ти реку: ей, имаше все то: но симъ ли даромъ чаеши возвеличитися?»

Изъ разсмотрѣннаго духовнаго поученія русскимъ Вѣнценосцамъ можно ясно видѣть, что русскіе пастыри Церкви не руководствовались ни ле-

стію, ни угодливостію даже передъ Князьями и Царями. Напротивъ, сильно и мужественно утверждали они, что ни власть, ни сила, ни великолѣпіе не украшаютъ вѣнца и порфиры. Наконецъ, они ясно и опредѣлительно возвѣщали, что одна добродѣтель доставляетъ безсмертіе.

Вліяніе Церкви на устроеніе гражданскаго порядка въ русской странѣ

—

Въ ряду великихъ историческихъ заслугъ, оказанныхъ нашимъ духовенствомъ государству, одно изъ выдающихся мѣстъ занимаетъ содѣйствіе духовенства устроенію гражданскаго права и порядка въ русской землѣ. О вліяніи пастырей Церкви на постепенное переустройство и улучшеніе гражданскаго общежитія на Руси прекрасно говоритъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ историковъ В. О. Ключевскій *).

По признанію г. Ключевскаго, всякому, кто изучаетъ общественную жизнь, не рѣдко приходится встрѣчаться съ явленіями, вызывающими на раздумье. Наблюдатель видитъ пружины, коими движется механизмъ гражданскаго общежитія, ви-

*) См. „Прибавл. къ Творен. св. Отцовъ", кн. IV. Москва 1888 г.

дитъ источники бурливаго потока гражданскихъ интерессовъ. То,—говоритъ г. Ключевскій, – обыкновенно жесткіе жизненные рычаги, мутные источники: погоня за своими интересами, слѣпая страсть, законъ, обуздывающій порывы той и другой. И среди стукотни этого механизма вдругъ послышится наблюдателю звукъ совсѣмъ иного порядка, западшій въ житейскую разноголосицу откуда-то сверху, точно звонъ колокола, раздавшійся среди рыночной суматохи. Въ ветхомъ и пыльномъ свиткѣ самаго сухого содержанія, въ старинной купчей, закладной, заемной, мѣновой записи или въ духовномъ завѣщаніи, подъ формальностью закона иногда прозвучитъ нравственный мотивъ, побужденіе сердца, изъ подъ хозяйственной мелочи блеснетъ искра религіознаго чувства, и вы видите, какъ темная хозяйственная сдѣлка озаряется извнутри теплымъ свѣтомъ, мертвая норма права оживаетъ и перерождается въ доброе житейское отношеніе, не соотвѣтствующее ея первоначальной природѣ.

Вотъ предъ нами духовная одной древне-русской завѣщательницы, именитой и богатой госпожи. Все она припомнила и записала въ завѣщаніи, кому сколько должна, кто ей сколько долженъ и кому что должно достаться изъ ея имущества. Это, очевидно, заботливая и памятливая

хозяйка, и предчувствіе смерти не помутило ея скопидомной памяти. Угасающимъ взглядомъ окинула она весь свой житейскій багажъ, припомнила и свои сундуки съ платьемъ, и свою кухню, и дошла до своей многолюдной крѣпостной дворни. По тогдашнимъ законамъ, это для нея такія же вещи, какъ и ея тѣлогрѣйка, съ тою развѣ разницей, что послѣдняя ближе къ сердцу и потому дороже, бережнѣе хранилась. Читая духовную, ждешь, кому она откажетъ своихъ «рабовъ и холоповъ». «А людей моихъ,—пишетъ завѣщательница.—послѣ моего живота всѣхъ отпустить на свободу, всѣ Божіи и царевы государевы люди, и изъ остаточныхъ денегъ, дать моимъ людямъ, мужичкамъ и женочкамъ, почему пригоже дати, а не оскорбити, чтобы людишки мои послѣ меня не пошли съ моего двора и не заплакали».—Или вотъ бѣдный человѣкъ занялъ деньги у капиталиста отъ Николина дня вешняго такого-то года до того-же дня слѣдующаго года и въ заемной кабалѣ пишетъ, что занялъ ихъ безъ росту, что заимодавецъ, помня евангельскую заповѣдь и имѣя въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, росту съ него не взялъ ничего.

Легко понять, чье вліяніе дѣлало изъ предсмертнаго завѣщанія владѣлицы крѣпостныхъ душъ трактатъ о равенствѣ людей предъ Богомъ и Го-

сударемъ и долговое обязательство превращало въ благотворительный актъ, заставляя ростовщика отказаться отъ своихъ, узаконенныхъ тогда 20% годовыхъ. *Личный интересъ* часто побуждалъ древне-русскаго человѣка протягивать руку на то, чего не признавало за нимъ право, т. е на чужое, а *евангельская заповѣдь* внушала ему добровольный отказъ и отъ признаннаго за нимъ права, и этой борьбой евангельской заповѣди съ личнымъ интересомъ строилось и совершенствовалось гражданское общежитіе, въ которомъ право, стражъ законнаго личнаго интереса, часто уступало свое мѣсто евангельскому самопожертвованію, при которомъ человѣкъ забываетъ о своихъ правахъ, а руководится чувствомъ любви и состраданія къ ближнему.

В. О. Ключевскій далѣе указываетъ, на чемъ именно въ древне-русскомъ обществѣ отразилось вѣяніе Церкви, какія начала и обычаи въ людскомъ общежитіи она видоизмѣнила и усовершенствовала.

Огромное значеніе въ гражданскомъ общежитіи имѣетъ семья. Въ общежитіи она—первичный, основный узелъ. Прочность семьи самый вѣрнѣйшій залогъ прочности цѣлаго государства. Въ виду столь великаго значенія семьи Церковь не замедлила устремить свои заботы къ благоустройству

семейной жизни. Благоустроить же древне-русскую семейную жизнь было дѣломъ, какъ это можно понять изъ сказаннаго ниже, весьма сложнымъ и труднымъ. Тѣмъ, слѣдовательно, выше и цѣннѣе заслуга нашего духовенства, которую оно чрезъ устройство семьи оказало гражданскому общежитію въ русской странѣ.

Русская христіанская семья есть союзъ не только церковный, закрѣпляемый таинствомъ брака, но и гражданскій,—гражданскій—въ томъ смыслѣ, что члены семьи имѣютъ свои права, закономъ имъ предоставленныя. Уясняя и заповѣдуя необходимость чистоты брачныхъ узъ, уподобляя по слову Писанія, союзъ мужа и жены союзу Христа съ Церковью, поучая, что бракъ — «тайна великая», Церковь не оставляла безъ вниманія и гражданскую сторону въ семейномъ союзѣ. Съ цѣлями благоустроенія семьи Церковь проникала въ самую глубь гражданскихъ отношеній древне-русскаго общежитія, ставила эти отношенія на новыя основанія. Короче сказать, Церковь, устраивая древне-русскую семью, съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно перестраивала и гражданское общежитіе.

Нужно помнить, что предки наши были язычники. Въ семейной ихъ жизни, допускавшей многоженство, гражданскія права предоставлялись только мужу, отцу семейства, домовладѣлкѣ. Женѣ же,

матери семейства, правъ этихъ не усвоялось. Она находилась въ положеніи рабы. Затѣмъ, предъ отцомъ семейства какъ жена, такъ и дѣти, были совершенно безличны и безгласны. Съ водвореніемъ христіанства, многоженство, какъ обычай, было уничтожено скоро и сравнительно легко: несравненно труднѣе было установить между членами семьи новыя правильныя отношенія и отношенія эти утвердить на нравственномъ основаніи.

Для устроителей семейной жизни на Руси, для пастырей Церкви самый большой трудъ составляло — поставить въ семьѣ женщину, жену и мать согласно съ духомъ христіанской семьи. Заслуга Церкви предъ государствомъ въ этомъ отношеніи тѣмъ выше, и тѣмъ большую должна имѣть она цѣну, что совершаема была при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Главною помѣхою къ правильному устройству семьи служило то, что въ древней Руси *средоточіе* семейной жизни — женщина — была унижена, поругана. Предки наши и по принятіи христіанства продолжали смотрѣть на женщину по-язычески, крайне пренебрежительно. Но при такомъ взглядѣ на женщину, какъ же достигнуть того, чтобы семейный союзъ представлялъ собою «образъ союза Христа съ Церковью?» И могла ли глубоко униженная, лишенная равной чести и части съ мужемъ жена способствовать

осуществленію христіанскихъ идеаловъ семейной жизни?... Чтобы семейство имѣло правильное устройство, согласное съ духомъ христіанства, необходимо было возвысить жену и мать до подобающаго ей положенія въ семьѣ. Къ этому Церковь, въ лицѣ ея пастырей, и направляла свои заботы. Искореняя языческій пренебрежительный взглядъ на женщину, возвышая нравственное ея достоинство, Церковь со всею настойчивостію проводила и въ законодательство, и въ житейскій бытъ тотъ взглядъ, что христіанская семья, по скольку она есть союзъ гражданскій, держится на правовомъ равенствѣ и нравственномъ взаимодѣйствіи мужа и жены.

Но чтобы превратить жену изъ рабы мужа въ его совѣтницу, надо было предоставить женѣ гражданскую равноправность. Это достигалось усвоеніемъ ей права собственности. Получая имущественную самостоятельность, жена вмѣстѣ съ тѣмъ сбрасывала съ себя положеніе безправной рабы и становилась въ разрядъ личностей свободныхъ.

Подъ воздѣйствіемъ именно Церкви наше древнее законодательство усвоило женѣ—матери семейства права собственности. Закономъ было опредѣлено. что составляло имущественную собственность жены и при томъ такую, на которую не имѣли права посягать ни мужъ, ни дѣти. Оставалось поддержи-

вать и укрѣплять эти права за женою. Это было уже прямымъ дѣломъ Церкви, ибо Церковь по уставамъ первыхъ князей, разбирала тяжбы между мужемъ и женой «о животѣ», т. е. объ имуществѣ. При разборѣ этихъ тяжбъ Церковь заботливо отстаивала имущественныя права женщины, прибѣгая въ потребныхъ случаяхъ даже къ зависѣвшимъ отъ нея карательнымъ мѣрамъ по отношенію къ незаконнымъ претендентамъ на имущество женщины. Такъ, въ одномъ древнемъ архипастырскомъ посланіи (XV вѣка) къ какимъ-то князьямъ, обижавшимъ свою мать-вдову, присвоявшимъ себѣ ея *опричнину*, т. е. долю, какую выдѣлилъ ей мужъ изъ своего имущества, не только напоминается обидчикамъ сыновній долгъ повиноваться матери, но и выражается угроза, въ случаѣ дальнѣйшаго непослушанія, подвергнуть ослушниковъ суду церковнаго собора и за непокорность покарать ихъ соборнымъ неблагословеніемъ и духовною тягостью церковной, т. е. епитиміею.— Еще строже, чѣмъ вдовья «опричнина», ограждалась неприкосновенность приданнаго. Это было преимущественною заботою духовниковъ, дѣйствовавшихъ здѣсь нравственными средствами исповѣди. Сохранились древнія духовныя завѣщанія, въ которыхъ мужья, растратившіе при жизни приданое своихъ женъ, спѣшатъ возмѣстить имъ эту

растрату, чтобъ не отвѣчать имъ за это предъ Богомъ на послѣднемъ судѣ.

Забота Церкви объ упроченіи семейнаго положенія жены ясно обнаруживалась и тогда, когда жена теряла свою житейскую опору, — вдовѣла. Унося съ собою эту опору, мужъ въ замѣнъ ея оставлялъ женѣ свой отеческій авторитетъ, свое значеніе, какъ главы въ семействѣ: совѣтчица мужа становилась преемницей его семейной власти. Занимая независимое отъ дѣтей имущественное положеніе, она получала и опеку надъ малолѣтними дѣтьми. Въ случаѣ же, если вдова оставалась бездѣтною, ей предоставлялась полная свобода распорядиться, по личному усмотрѣнію, какъ своимъ, такъ и доставшимся ей по закону, мужнинымъ имуществомъ.

Но обезпечивая положеніе жены и вдовы, Церковь требовала, чтобы она и по смерти мужа оставалась его другомъ и доброй матерью его и своихъ дѣтей. Вотъ почему въ древней Руси неблагосклонно смотрѣли на второе замужество, если оставались дѣти отъ перваго. Нравственно-семейный долгъ вдовы—*строить*, поминать душу мужа и заботиться объ оставленныхъ имъ сиротахъ. Видя во вторичномъ замужествѣ вдовы неуваженіе къ памяти перваго мужа и пренебреженіе къ оставшимся послѣ него дѣтямъ, наше древнее

право предоставляло вдовѣ извѣстныя имущественныя выгоды подъ условіемъ, если она *сидитъ по мужѣ*, т. е. останется вдовой; подъ этимъ только условіемъ ей выдѣлялась законная часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, и предоставлялось право полной собственности на то, чѣмъ самъ мужъ надѣлялъ ее при жизни (*опричнина*). Лишеніе этихъ выгодъ за вступленіе вдовы во второй бракъ оправдывалось такимъ энергическимъ выраженіемъ: «обругала убо перваго мужа вторымъ бракомъ». За то на добрую вдовицу цѣликомъ переносится отеческій авторитетъ ея мужа. По духовнымъ грамотамъ древнихъ московскихъ великихъ князей можно видѣть, какъ это значеніе вдовы-матери изъ частнаго общежитія проникало въ политическій порядокъ, изъ жизни отдѣльныхъ семей, въ жизнь цѣлаго государства. Въ завѣщаніи Дмитрія Іоанновича Донскаго читаемъ такое наставленіе отца дѣтямъ: «вы, дѣти мои, матери своей слушайте во всемъ, изъ воли ея не выступайте ни въ чемъ». Преемникъ Дмитрія, великій князь Василій, въ свою очередь пишетъ въ духовномъ завѣщаніи преемнику: «приказываю своего сына, князя Василья, своей княгинѣ, а ты, сынъ мой, чти матерь свою и слушай своей матери въ мое мѣсто своего отца».

Показавъ, какъ Церковь строила гражданскую правоспособность и материнскій авторитетъ жен-

щины, т. е. какъ усвояла ей гражданскія права и возвышала значеніе ея въ семьѣ, г. Ключевскій выражаетъ слѣдующее свое убѣжденіе: «если русская женщина разберется въ своемъ правовомъ и нравственномъ имуществѣ, которымъ она живетъ, какъ жена, какъ мать и гражданка, она увидитъ, что всѣмъ, чѣмъ наиболѣе дорожитъ въ ней общество и что наиболѣе дорого ей самой — всей своей исторической *отчичиной* она обязана преимущественно Церкви, ея проповѣди, ея законодательству».

Содѣйствуя успѣхамъ гражданскаго права и порядка въ русской землѣ, Церковь своимъ законодательствомъ преимущественно восполняла то, чего не доставало въ государственномъ законѣ. Но иногда дѣятельность Церкви, направленная къ благоустройству гражданскаго общежитія, имѣла своимъ послѣдствіемъ не пополненіе пробѣловъ государственнаго закона, но видоизмѣненіе, исправленіе этого закона. Въ русскомъ правѣ были установленія, къ тому же чрезвычайно прочныя, тщательно разработанныя, если не законодательствомъ, то самою жизнію, житейскими отношеніями, но въ то же время противныя Церкви. Таковы были ростовщичество и холопство.

Противъ этихъ установленій, т. е. ростовщичества и холопства, легко превращавшихся въ зло-

употребленія и разрушавшихъ гражданское общежитіе, у Церкви не было иного оружія, кромѣ проповѣди и исповѣди. Эти косвенныя средства Церковь и направляла противъ нихъ. «Трудно найти, — говоритъ г. Ключевскій, — древне-русское церковное поученіе, въ которомъ не было бы рѣзкаго порицанія ростовщика и рабовладѣльца. Ростовщикъ — кровопійца, рабовладѣлецъ — жестокій разбойникъ, недостойны св. Причастія — вотъ къ чему сводилась церковная проповѣдь, боровшаяся съ этими недугами русскаго общества. Гражданскій законъ давалъ господину полную власть надъ холопомъ, дозволялъ даже убить его; Церковь же, вопреки этому закону, карала строгими духовными наказаніями за жестокое обращеніе съ челядью. И усиліе Церкви въ этомъ направленіи не оставалось безплоднымъ. Подъ дѣйствіемъ ея, суровый и тяжелый законъ о ростѣ сравнительно скоро былъ смягченъ». По наиболѣе древнему закону, по такъ называемой «Русской Правдѣ», законный размѣръ годоваго роста опредѣлялся «на два третій», т. е. въ 50 процентовъ. Законъ о годовомъ ростѣ въ 50% существовалъ сравнительно долго; но существовалъ въ смягченномъ видѣ. Дѣйствіе его было ослаблено, ограничено (при Владимірѣ-Мономахѣ) постановленіемъ, по которому взиманіе такого роста допускалось только дважды, т. е. въ тече-

ніе двухъ лѣтъ, пока взятый ростъ не сравнится съ долгомъ, послѣ чего заимодавецъ сохраняетъ право только на занятый капиталъ.

Отношеніе Церкви къ холопству г. Ключевскій считаетъ одною изъ наиболѣе свѣтлыхъ чертъ ея дѣятельности. Безустаннымъ дѣйствіемъ на нравы и понятія, а чрезъ это и на законодательство, Церковь разрушила самое право, узаконявшее рабство, или разрушило самое основаніе, на которомъ утверждался законъ о рабахъ. «Древне-русское холопство первоначально было однообразнымъ и недѣлимымъ, недопускавшимъ никакихъ степеней и различеній. Но подъ вліяніемъ Церкви оно постепенно разложилось на многообразные виды ограниченной неволи и каждый дальнѣйшій видъ былъ смягченіемъ предыдущаго. Послушный голосу Церкви рабовладѣлецъ добровольно, ради спасенія души, смягчалъ свои права или даже поступался ими въ пользу холопа; личныя проявленія человѣколюбія входили въ привычки, нравы, которыя потомъ и узаконялись. Здѣсь воля частныхъ лицъ *подъ дѣйствіемъ Церкви* становилась орудіемъ исправленія закона, побуждая послѣдній отказываться отъ поддержки людскихъ правъ, которыми добровольно жертвовали или даже гнушались сами люди».

Таковы историческія заслуги Церкви, оказан-

ныя ею нашему государству въ дѣлѣ устроенія гражданскаго права и порядка. Изъ того, что выше было сказано по этому предмету, можно видѣть, что Церковь, содѣйствуя благоустроенію въ нашемъ отечествѣ гражданскаго общежитія, преслѣдовала въ то же время великія нравственныя задачи. Помогая власти охранять правду *въ обществѣ*, въ отношеніяхъ между людьми, Церковь достигала этой цѣли именно тѣмъ, что насаждала и укореняла правду въ *личной совѣсти*, воспитывая въ людяхъ чувство долга, превращая право въ нравственную привычку. Но не то же ли и теперь дѣлаетъ наша мать св. православная Церковь? И теперь, какъ и всегда, цѣль Церкви — замѣнить принудительныя *требованія права* свободной *потребностью въ правдѣ*, т. е. воспитать чадъ своихъ такъ, чтобы они дѣйствовали и вообще жили «по правдѣ» не потому только, что это предписывается закономъ, да еще подъ угрозою наказанія за нарушеніе правды, а потому, главнымъ образомъ, что жизнь «по правдѣ» составляетъ для нихъ внутреннюю свободную потребность, потребность ихъ нравственнаго настроенія, чувства долга. Преслѣдуя же такую задачу, Церковь наша, въ лицѣ ея пастырей, оказываетъ людскому общежитію, государству величайшее, по истинѣ, неоцѣненное благодѣяніе.

Первосвятители и чудотворцы Всероссійскіе Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ и игуменъ Радонежскій Сергій въ ихъ заслугахъ на пользу Русскаго государства [1]).

Св. угодники Божіи митрополиты Всероссійскіе Петръ, Алексій и Іона и игуменъ Радонежскій Сергій жили и подвизались во славу Божію, на пользу Церкви и отечества нашего въ самое тяжелое для Россіи время въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. Въ эти столѣтія Россія претерпѣвала иго татаръ [2]), а въ XIII и XIV вѣкахъ страдала еще отъ междо-

---

[1]) Составлено по сочиненіямъ: «Св. Благовѣрн. В. Кн. Моск. Даніилъ, основатель Московъ. Даніилова монастыря», сочин. *архимандр. Діонисія*,—Москва, 1897 года; «Жизнеописанія первосвятителей и чудотворцевъ Всероссійскихъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа», соч. *А. Невскаго*,—Москва, 1894 г., и «О святыхъ московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіи и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ», соч. *Ап. Н. Майкова*,—Спб. 1894 года.

[2]) Покореніе Руси татарами (Батыемъ) совершилось въ 1243 году, свергнуто иго татарское въ 1480 году.

усобій своихъ князей, боровшихся за великокняжескій Престолъ. Первосвятитель Филиппъ жилъ уже въ XVI вѣкѣ, когда татарское иго было свергнуто и русская земля управлялась *единодержавною* властію. Тѣмъ не менѣе и его время было тяжелымъ для Россіи. Митрополитъ Филиппъ святительствовалъ въ царствованіе Іоанна IV, прозваннаго за свои жестокости Грознымъ. Сей Царь, отъ природы одаренный богатыми способностями, подъ вліяніемъ дурнаго воспитанія и окружавшей его среды, сдѣлался для подданныхъ, особенно въ старости, мстительнымъ и крайне жестокимъ.

Въ такія-то темныя для Россіи времена и выступаютъ на тверди церковной, какъ яркія свѣтила среди ночи, первосвятители всероссійскіе, Московскіе митрополиты Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ и игуменъ Радонежскій, преподобный Сергій. Провидѣніе послало въ нихъ страждущей Россіи великую отраду. Стоя на высотѣ христіанскихъ добродѣтелей, будучи яркими свѣтильниками православной Церкви, они въ то же время были и оплотомъ единодержавной царской власти, щитомъ и огражденіемъ русскаго народа въ мрачныя, скорбныя годины его жизни. Всякому русскому, любящему свое отечество, интересующемуся минувшими его судьбами, не можетъ не быть дорого, уяснить себѣ въ той или другой мѣрѣ, что же именно на-

званные угодники божіи, живя на землѣ, содѣяли на пользу Престола и Отечества нашего?

Дѣятельность первосвятителей Петра и Алексія и игумена Сергія на пользу государства Русскаго находится въ тѣснѣйшей связи съ исторіею возникновенія и устроенія Московскаго княжества, сначала удѣльнаго, а потомъ великаго. Поэтому и мы коснемся этой исторіи.

Основаніе города Москвы относится къ 1147 году. Въ началѣ это было маленькое селеніе, правильнѣе сказать—деревушка, построенная на той горѣ, гдѣ теперь стоитъ Кремль. Съ теченіемъ времени изъ деревушки образовался городокъ. И чрезъ сто лѣтъ по основаніи, при св. благовѣрномъ Великомъ Князѣ Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ (скончался въ 1262 г.), Москва, принадлежавшая къ его удѣлу, продолжала оставаться маленькимъ и бѣднымъ городкомъ. Холмы, на которыхъ впослѣдствіи раскинулся великій городъ, въ тѣ поры были покрыты густымъ лѣсомъ и лишь кой-гдѣ расчищены были мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободки или деревушки. Неудивительно, поэтому, что старшіе сыновья Александра Невскаго, завладѣвшіе и великокняжескою властью и всѣми областями отца своего, Москву съ ея малою и бѣдною областью дали (въ 1272 г.) младшему своему брату, десяти-лѣтнему Даніилу.

Но отрокъ-князь и симъ удѣломъ оставался доволенъ, не домогаясь большаго, будучи наслѣдникомъ лучшихъ качествъ святаго родителя своего: кротости, *миролюбія*, нестяжательности, смиренія и сострадательности къ бѣднымъ. Искреннее его благочестіе сдѣлало его не только великимъ княземъ земнымъ, но и наслѣдникомъ небеснаго царствія и присночтимымъ на землѣ за чудеса, являемыя при св. мощахъ его, съ 1652 года открыто почивающихъ, въ имъ же основанномъ подъ Москвою Даниловомъ монастырѣ (во имя *Даніила Столпника*).

Изъ малаго содѣялось великое: изъ бѣднаго городка-деревушки на берегахъ рѣки Москвы выросла первопрестольная столица: скудный удѣлъ угодника Божія Даніила—московская область еще при жизни его, несмотря на незначительность города, сдѣлался *Великимъ Княжествомъ Московскимъ*, а самъ кроткій и смиренный предъ лицемъ Господа, безъ кровопролитія и междоусобныхъ браней, сталъ *первымъ Великимъ Княземъ Московскимъ*.

Получивши титулъ и власть Великаго Князя, благовѣрный, но смиренный и безкорыстный Даніилъ не переселился, однако, въ многолюдныя и богатыя столицы Великаго княжества, какими были тогда: Владиміръ (на р. Клязьмѣ), Переяславль, Суздаль и др. города; но удовольствовался скромною и бѣдною Москвою, которая съ того времени

и сдѣлалась *столичнымъ* городомъ Великихъ Князей, такъ какъ преемники князя Даніила, начиная съ благочестиваго сына его Іоанна Даниловича, имѣли свое пребываніе уже въ Москвѣ. Со временемъ, когда Великіе Князья Московскіе, при возрастаніи своего государства, приняли титулъ Царей, то священное вѣнчаніе на царство происходило въ Москвѣ же. и нынѣ священное коронованіе совершается не иначе какъ въ Москвѣ. Посему Москва и считается сердцемъ Россіи, первопрестольнымъ городомъ и на ней почиваютъ любовь и заступленіе перваго ея Великаго Князя Даніила, избравшаго ее своею столицею, не иначе, какъ по указанію Божію.

Благоволеніе Господне изобильно почило, кромѣ града, и на потомствѣ святаго Даніила. Послѣ его кончины преемниками великокняжеской власти и титула были не братъ или племянникъ его. какъ бы слѣдовало по древнѣйшимъ правамъ престоло-наслѣдія, но сынъ Іоаннъ Даниловичъ, и *послѣ него сіе достоинство переходило отъ одного къ другому, отъ отца къ сыну* по прямой линіи, до кончины Царя Ѳеодора Іоанновича въ 1598 году— въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ *). Съ водвореніемъ же

*) Царствующій нынѣ благословенный Домъ Романовыхъ не совсѣмъ чуждъ роду святаго князя Даніила, имѣя роднею супругу Царя Ивана Васильевича Грознаго, Анастасію Романовну. Такимъ образомъ, въ благословенномъ роду святаго и блаженнаго Даніила сохраняется царственное-достоинство болѣе шести сотъ лѣтъ.

такого порядка престоло-наслѣдія, т. е. по прямой линіи *отъ отца къ сыну*, само собою прекратились причинявшія столько бѣдствій и обезсиливавшія русскую землю княжескія междоусобицы изъ-за великокняжескаго престола.

Съ утвержденіемъ великокняжескаго Престола въ Москвѣ и возвышеніемъ политическаго значенія этого города, начался постепенный ростъ его и въ другихъ отношеніяхъ. Но для наиболѣе полнаго и быстраго возрастанія Москвы необходимо было, что бы городъ этотъ сдѣлался еще центромъ въ церковномъ отношеніи, т. е. что бы въ немъ поставлена была каѳедра митрополита, первосвятителя тогдашней русской Церкви. Но вотъ Москва сдѣлалась и сравнительно скоро каѳедральнымъ городомъ первоіерарха русской Церкви, всероссійскаго митрополита. Этимъ весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ, такъ существенно содѣйствовавшимъ возвеличенію Москвы, послѣдняя всецѣло обязана одному изъ великихъ святителей нашей Церкви, митрополиту Петру. Объ утвержденіи митрополичьей каѳедры въ Москвѣ и о содѣйствіи перваго ея митрополита усиленію и возвышенію Московскаго княжества вотъ какъ разсказываетъ исторія.

Въ княженіе Ивана Даниловича (сына св. князя Даніила) русскимъ митрополитомъ былъ св. Петръ.

Въ то время митрополиты жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, и Владиміръ былъ столицею великихъ князей. Но какъ мы уже знаемъ, св. Даніилъ, ставши Великимъ Княземъ, не захотѣлъ переселяться во Владиміръ, а остался въ своемъ удѣльномъ городѣ Москвѣ. Въ Москвѣ же утвердилъ свое пребываніе и сынъ св. Даніила Великій Князь Иванъ Даниловичъ. Митрополитъ Петръ, обозрѣвая свою паству, часто заѣзжалъ въ Москву, которая и при второмъ своемъ Великомъ Князѣ оставалась маленькимъ, бѣднымъ городкомъ. На мѣстѣ нынѣшняго Кремля стоялъ небольшой княжескій теремъ, со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что что нынѣ называется «Спасъ на бору». Заѣзжая въ Москву, св. митрополитъ Петръ, конечно, бывалъ у Князя Ивана Даниловича. Полюбился ему этотъ Князь. Въ бѣдномъ теремку его, надъ Москвою-рѣкою, частенько долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всѣ князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются; Татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и идетъ повсемѣстная война и раззореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

«Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю: есть между ними и добраго нрава, да горячи и

легкомысленны: вдаль не смотрятъ, а только думаютъ какъ бы нынче прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ, вся Русь пополамъ распалась: одна часть подъ Литву подпала, другая подъ Татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и воздыхаютъ, а о томъ не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ, дѣтямъ и внукамъ, совсѣмъ отъ Татаръ избавиться. Изо всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали «Калита»,— полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А *я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю*, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Еще когда, на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой (Волынской), удалился я въ пустыню, и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и объѣзжалъ паству митрополитъ Максимъ, и въ нашу землю пріѣхалъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я вла-

лыкѣ, моей рукой написанную, икону Божіей Матери [1]); а написалъ я эту икону, какъ она мнѣ явилась въ сонномъ видѣніи. И принялъ ее митрополитъ и облобызалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и каменьями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его, выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ то же время,—попустилъ Господь,—игуменъ Геронтій взялъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую, и жезлъ, и икону Успенія, и отправился тоже въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополію всея Руси. Значитъ, сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царьграду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаванье тихое; я пріѣхалъ и былъ посвященъ въ санъ митрополичій патріархомъ [2]). Какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтій, и какъ вошелъ къ патріарху, такъ и палъ ему въ ноги, и началъ каяться, просить прощенія. И разсказалъ онъ, что

[1]) Эта самая икона, именуемая Петровскою, находится въ Успенскомъ Соборѣ, въ придѣлѣ первоверховныхъ Апостоловъ. Другая икона Успенія Божіей Матери, писанная св. Петромъ, стоитъ въ иконостасѣ Успенскаго Собора, подлѣ мѣстнаго чудотворнаго образа Всемилостиваго Спаса.

[2]) Св. Кипріанъ со словъ, слышанныхъ имъ въ Царьградѣ, свидѣтельствуетъ, что во время посвященія лице Петра просвѣтилось какъ бы лучами солнечными, такъ что всѣ служившіе съ патріархомъ изумились и увѣровали въ святость человѣка Божія.

какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря и всѣ думали, что ужь погибнутъ. И впалъ онъ, Геронтій, якобы въ забытье; въ этомъ забытьѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: «Напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ; этого сана удостоится тотъ, кто написалъ мою икону, игуменъ Петръ». Этотъ сонъ сильно встревожилъ Геронтія. Проснувшись, онъ положилъ обѣтъ, если Богъ его помилуетъ, оставитъ жизнь ему, то какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патріарху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ похищенную имъ утварь святительскую, и жезлъ, и икону, да приметъ ихъ тотъ, кому онѣ принадлежатъ по праву. И всѣ мы дивились неизреченному чуду. Патріархъ простилъ Геронтія, видя слезы его, и всѣ мы купно прославили Господа и молили, да не оскудѣваетъ промыслъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и *ее-то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ*: да приметъ Царица небесная подъ святый покровъ свой твои благія начинанія. Ты же построй во имя Ея, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, соборный храмъ. и пророчу тебѣ, что если ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надо всѣми Русскими городами; свя-

тители послѣ меня будутъ жить въ немъ; руки его *взыдутъ на плещи враговъ его*, и Богъ прославится въ немъ».

Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. Сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ сосѣднихъ князей; иные, можетъ быть, и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его Московское княжество заняло всѣ земли между Окой и Бѣлымъ озеромъ и Сухоной, всѣ нынѣшнія губерніи Московскую, Ярославскую, Костромскую и части Новгородской и Нижегородской;—а средняя Волга, отъ Углича до впаденія въ нее рѣки Ветлуги, вся протекала ужь по московскимъ землямъ. По Волгѣ же, да по Окѣ, шла съ давнихъ временъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода, отъ Балтійскаго моря въ Азію и обратно. Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Мологѣ большую ярмарку. А какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобъ не грабили товаровъ, тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при немъ на Руси «тишина великая»,—то въ земли его стало пере-

ходить много народу изъ другихъ княжествъ, и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли: а самъ Московскій Князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ Князей. И начали переѣзжать къ нему отъ другихъ Князей самые знатные и умные бояре, и дѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ татаръ. Умеръ Иванъ Даниловичъ Калита, а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Умиралъ Симеонъ, и передъ смертью, передавая престолъ свой брату Ивану Ивановичу, отцу Димитрія Донскаго, писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: «Слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобы и *свѣча не погасла*». А что разумѣлъ онъ подъ этою притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча тутъ значитъ то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердца своимъ боярамъ, то есть—освобожденіе отъ Татаръ.

«Не погасла свѣча» ни при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Димитріи. Димитрій послѣ отца остался младенцемъ, но именемъ его управляли Русью бояре Московскіе и главное св. митрополитъ, но уже не Петръ, а Алексій.

Св. Петръ скончался въ 1326 году 21-го декабря. Не задолго передъ своею кончиною онъ переселился на постоянное жительство въ Москву, въ которой и поспѣшилъ произвести закладку Соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери.

Преемникомъ св. Петра былъ св. Ѳеогностъ, правившій всероссійскою митрополіею 24 года. По смерти Ѳеогноста (въ 1353 г.) на митрополичій престолъ восходитъ св. Алексій, епископъ Владимірскій.

Занявъ первосвятительскую каѳедру, св. Алексій явилъ себя ревностнѣйшимъ архипастыремъ. Заботясь о духовномъ преуспѣяніи своей паствы, онъ съ неослабнымъ усердіемъ наставлялъ ее въ истинахъ христіанской вѣры и нравственности. Поучая пасомыхъ словомъ, онъ въ то же время подавалъ имъ примѣръ своею святою жизнію. Пламенною вѣрою и чистотою жизни святителя Алексія Россія не разъ спасалась отъ своихъ враговъ. Слава о добродѣтеляхъ святителя Алексія распространялась не только между православными христіанами, но и между невѣрными.

У хана Джанибека три года страдала слѣпотою и другими болѣзнями жена, по имени Тайдула.

Онъ, слышавъ о св. Алексіѣ, какъ о мужѣ, по молитвѣ котораго Богъ творитъ чудеса, посылаетъ (въ августѣ 1357 г.) къ В. Князю грамоту, въ которой проситъ его прислать къ нему человѣка Божія Алексія, чтобъ онъ помолился Богу о дарованіи прозрѣнія его женѣ. «Если, писалъ ханъ, по его молитвамъ исцѣлѣетъ моя жена, то ты въ мирѣ со мною будешь; если не пошлешь его ко мнѣ, то съ огнемъ и мечемъ пройду по твоей землѣ.» Такое посланіе хана поставило святителя Алексія въ затрудненіе, Онъ естественно сознавалъ свою немощь для такого необычайнаго дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшился угрозъ хана. По усиленнымъ просьбамъ В. Князя святитель рѣшился отправиться въ Татарію. Собираясь въ путь, прежде всего со всѣмъ клиромъ отслужилъ молебенъ въ соборной церкви Успенія Божіей Матери. Когда онъ молился, свѣча у гроба святителя Петра сама собою засвѣтилась въ виду всѣхъ. Это явленіе служило ему предзнаменованіемъ, что Господь устроитъ его путь во спасеніе. Слѣпивъ небольшую свѣчу изъ воска отъ свѣчи, чудесно засвѣтившейся, св. Алексій отправился въ путь съ полнымъ упованіемъ на милость Божію. Его сопровождалъ клиръ. Прежде чемъ онъ достигъ мѣста, въ которомъ жилъ ханъ, Тайдула видѣла во снѣ святителя Алексія въ архіерейскомъ облаченіи вмѣ-

стѣ съ священниками. Проснувшись, тотчасъ приказала сдѣлать для святителя съ священниками драгоцѣнное облаченіе по тому покрою, какъ она видѣла во снѣ. Когда св. Алексій вошелъ въ городъ, его встрѣтилъ ханъ съ великою честію, какъ человѣка Божія; вводитъ его въ свою палату. Святитель, начавъ пѣть молебенъ, велѣлъ зажечь свѣчу, которую онъ слѣпилъ. Послѣ молебна окропилъ царицу святою водою; она тотчасъ прозрѣла. Это чудо всѣхъ поразило удивленіемъ, и исполнило радостію. Тайдула въ память своего исцѣленія молитвами святителя Алексія подарила ему перстень, который хранится въ Москвѣ въ патріаршей ризницѣ [1]). Ханъ, осыпавъ его дарами, отпустилъ съ миромъ въ Россію.

Едва св. Алексій прибылъ въ свое отечество къ радости своей паствы, какъ долженъ былъ опять ѣхать въ орду. Джанибекъ, жену котораго святитель Алексій исцѣлилъ, былъ убитъ сыномъ Бердибекомъ. Изливъ ярость на своихъ братьевъ, онъ намѣревался напасть на Россію. Всѣхъ объялъ ужасъ. В. Князь Іоаннъ Іоанновичъ упросилъ святителя Алексія отправиться въ орду, чтобы смяг-

[1]) Кромѣ того, Тайдулою подарено м. Алексію мѣсто въ Кремлѣ, на которомъ онъ основалъ монастырь въ память чуда Архангела Михаила въ Колоссаѣхъ. Монастырь этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Чудова и въ немъ почиваютъ мощи св. Алексія.

чить гнѣвъ свирѣпаго Бердибека своимъ ходатайствомъ.

Святитель своею добротою и кротостью, сіявшею на святолѣпномъ его лицѣ, побѣдилъ страшнаго хана. Бердибекъ, по его ходатайству, даровалъ Россіи миръ. Св. Алексій, достигнувъ цѣли своего посольства, возвратился въ Москву. Она встрѣтила своего избавителя съ необыкновеннымъ торжествомъ. В. Князь, духовенство и народъ вышли къ нему навстрѣчу съ крестами и святыми иконами; со слезами умиленія благодарили Бога и его избранника: всякій хотѣлъ видѣть того, кому всѣ были обязаны своимъ спасеніемъ. Въ то же время св. Алексій вынесъ изъ орды отъ новаго хана подтвержденіе свободы русскому духовенству отъ всякихъ даней и налоговъ.

Два эти путешествія св. Алексія въ орду поставили имя его высоко во мнѣніи современниковъ и прославили его въ родахъ грядущихъ, какъ чудотворца и отечестволюбца. Сколько крѣпка была его вѣра въ Бога, когда онъ пошелъ на зовъ болящей, столь же мужественна была и любовь къ отечеству, когда онъ одинъ явился ходатаемъ предъ свирѣпымъ властелиномъ за Русь, поверженную въ печаль и уныніе, не отрекшись изволеніемъ и душу свою положить за паству: и въ оба раза торжествовалъ онъ безпримѣрную побѣду предъ

невѣрными и передъ своими соотечественниками.

Лишь только св. Алексій возвратился изъ орды, какъ поспѣшилъ въ Кіевъ. Ему хотѣлось видѣть находившуюся подъ его управленіемъ древнѣйшую столицу православія, состоявшую теперь подъ властію князей Литовскихъ, впрочемъ православныхъ. Въ Литвѣ тогда мало по малу уже распространялась вѣра греческая, и даже были мученики: Іоаннъ, Антоній и Евстафій (1347 г.). Св. Алексій почтилъ сихъ мучениковъ-первенцевъ православной церкви въ Литвѣ и установилъ совершать ихъ память въ церкви Русской.

Между тѣмъ скончался В. Князь Іоаннъ Іоанновичъ. Престолъ великокняжескій перешелъ изъ рода князей Московскихъ къ Суздальскому Димитрію. Москва, казалось, утратила прежнее свое значеніе. Самъ митрополитъ, возвратившись изъ Кіева, долженъ былъ вѣнчать новаго В. Князя во Владимірѣ. Но при этомъ онъ самъ не промѣнялъ Москвы на Владиміръ. Сколько ни убѣждалъ его В. Князь утвердить опять во Владимірѣ свою каѳедру, св. Алексій остался непоколебимъ, ибо отеческое его сердце преклонялось къ сирому отроку Димитрію Московскому, и такимъ образомъ престолъ митрополіи, которымъ не распоряжался ни одинъ изъ хановъ, остался залогомъ будущаго

возвышенія Москвы и средоточія власти церковной и гражданской. Сія заслуга святителя Алексія всей земли Русской, столь важная своими послѣдствіями въ будущихъ вѣкахъ, превзошла все то, что онъ сдѣлалъ для нея въ свое время, спасая ее отъ орды. Она свидѣтельствуетъ, каковъ былъ государственный умъ сего великаго мужа церкви.

Черезъ два года двѣнадцатилѣтній князь Димитрій Іоанновичъ Московскій, руководимый своими совѣтниками, пользуясь смятеніями въ ордѣ, объявилъ свои права на великое княженіе. Покровитель Димитрія Суздальскаго, Ханъ Наврузъ, погибъ. Новый Ханъ Амуратъ отдалъ великое княженіе Димитрію Московскому. Въ началѣ 1363 г. юный Димитрій возсѣлъ на великокняжескомъ престолѣ во Владимірѣ. Св. Алексій передъ чудотворною иконою Богоматери, писанной Евангелистомъ Лукою, съ утѣшеніемъ благословилъ его на великое княженіе. Онъ вмѣстѣ съ боярами руководилъ его во всѣхъ распоряженіяхъ, клонившихся къ утвержденію за Москвою прежней силы, стараясь всѣхъ непокорныхъ князей данною ему властію соподчинить В. Князю и ихъ между собою умиротворить.

Когда первенство осталось за Москвою, при содѣйствіи св. Алексія, В. Князь оградилъ Москву каменными стѣнами (1367 г.). А святитель, слѣдуя

благочестивымъ внушеніямъ своего сердца, воздвигалъ храмы и монастыри для молитвенныхъ подвиговъ за спасеніе Руси.

Преклонныя лѣта и попеченіе о паствѣ Московской не препятствовали Святителю предпринимать отдаленныя путешествія, коль скоро того требовали нужды церковныя. Такъ видимъ его, уже восьмидесятилѣтняго старца, въ 1378 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ крестилъ онъ сына Іоанна у Князя Бориса Константиновича, не смотря на то, что этотъ Князь не оказалъ ему нѣкогда послушанія, когда Св. Алексій убѣждалъ его уступить нижегородское княженіе своему брату Димитрію. Боголюбивая душа Святителя не питала никакихъ непріязненныхъ чувствъ къ непослушному сыну, коль скоро онъ отложилъ свою непокорность. И здѣсь Св. Алексій обратилъ вниманіе на монастыри. Онъ устроилъ каменный храмъ въ монастырѣ *Благовѣщенскомъ*, учредилъ въ немъ общежитіе, надѣлилъ его своими дарами.

Въ то время, какъ Россія страдала еще подъ игомъ Татарскимъ, постигли бѣдствія Александрію, Іерусалимъ и Антіохію. Египетскій султанъ Шабанъ II, раздраженный нападеніемъ на Александрію Кипрскаго короля Петра и Мальтійскихъ рыцарей (1365 г.), произвелъ въ этихъ городахъ и въ областяхъ, принадлежавшихъ къ нимъ, страшное опу-

стошеніе; церкви, монастыри, скиты и пустыни разграбилъ и разрушилъ, христіанъ предалъ жестокимъ мученіямъ: однихъ распиналъ и жегъ, другихъ бросалъ въ темницы. Въ такомъ жестокомъ положеніи, гонимые христіане обратились къ Россіи. Святитель Алексій съ В. Княземъ отозвался своимъ единовѣрнымъ съ живымъ сочувствіемъ. Прибывшихъ митрополитовъ: Іерусалимскаго Германа и Синайскаго Марка, и послѣ Архимандрита Нифонта, они приняли съ любовію; успокоили ихъ и давъ имъ милостыню, какую могли, отпустили въ свою страну.

Въ княженіе Димитрія Іоанновича въ Россіи просіялъ не одинъ великій свѣтильникъ. Близъ почти царствующаго града Москвы, откуда святитель Алексій разливалъ на русскую землю благодатный свѣтъ отъ своихъ добродѣтелей, возсіялъ для Россіи въ пустынной дебри другой свѣтильникъ—Преподобный Сергій, пять вѣковъ привлекающій ея сыновъ къ своимъ цѣльбоноснымъ мощамъ со всѣхъ ея концовъ. Еще въ юныхъ лѣтахъ оставилъ онъ отеческій кровъ, и поселился въ пустынномъ мѣстѣ, среди непроницаемой чащи лѣсовъ. Здѣсь пр. Сергій, при всецѣломъ отрѣшеніи отъ міра явилъ собою примѣръ величайшаго

подвижника предъ Богомъ. Въ глубинѣ дремучаго лѣса, въ тяжкихъ веригахъ, въ бдѣніи и пощеніи съ крѣпкою вѣрою, со смиреніемъ и слезами молилъ св. мужъ сей Господа и о томъ, да благословитъ Онъ святое дѣло, задуманное въ Москвѣ да избавитъ Русь православную отъ тяжкаго ига Татарскаго. Своею строгою жизнію преп. Сергій подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И по тропинкамъ къ обители св. Троицы, имъ построенной, частенько пробирались бояре и сами Князья—укрѣпиться духомъ и посовѣтоваться о дѣлахъ: по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни. Ученики его разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Перми, разнесли славу о его благочестіи и мудрости, и толпы народа шли къ его обители послушать его поученія.—Особеннымъ другомъ преп. Сергія былъ двоюродный братъ Великаго Князя Димитрія Ивановича Князь Серпуховской Владиміръ Андреевичъ, который во всей своей жизни поступалъ по его совѣту, даже отказался отъ престола послѣ Димитрія, чтобы престолъ Московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну, и не было бы смуты и спора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ ужъ большую дорогу, и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за

совѣтомъ и благословеніемъ къ Сергію; онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ, и, можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее всю своимъ умомъ. Никогда въ Русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда, ни прежде, ни послѣ, не построилось столько монастырей, какъ въ это время — отъ Петра митрополита и при Алексіи *). Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ чему-то великому. Митрополитъ Алексій питалъ великую дружбу къ Сергію.

Эти-то святые мужи съ боярами Московскими и наставляли юнаго Димитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были ему вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Ивана Даниловича Калиты, пришлось въ первый разъ испытать Россіи, готова ли она помѣряться съ татарами, испытать, много ли накопилось въ ней силы; пришлось провѣрить — такая же ли она, какъ была за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, когда въ первый разъ пришли татары и порознь разбили ея храбрыхъ князей и храбрыя ихъ дружины.

*) Мы, однако, должны замѣтить, что въ 13-ти-лѣтнее царствованіе въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III иноческихъ обителей открыто было болѣе, нежели за вышеуказанное время. *Примѣчаніе издателя.*

Тутъ передъ глазами всей Россіи пришлось въ первый разъ оцѣнить, правое ли дѣло затѣялъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ. начавъ подбирать земли русскія въ однѣ руки. . Это испытаніе приключилось по случаю страшнаго нашествія Мамаева съ несмѣтной силой татарской.

Въ 1380 году, 8 сентября, въ день праздника Рождества Богородицы, на Куликовомъ полѣ, что въ нынѣшнемъ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, гдѣ начинаются донскія степи, произошла знаменитая, на вѣки прославившая В. Князя Димитрія и его воинство. битва русскихъ съ татарами. Несмѣтныя полчища Мамая были разбиты на голову, и самъ Мамай съ небольшими остатками своего войска едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Разгромомъ полчищъ Мамая нанесенъ былъ Татарщинѣ страшный ударъ. Прежде непобѣдимая сила послѣдней была потрясена. но однако еще не сокрушено въ конецъ. Окончательно Русь избавилась отъ грозы татарской только при правнукѣ Димитрія Донскаго Иванѣ III Васильевичѣ. Иго татарское свергнуто было въ 1480 году.

Митрополиту Алексію не суждено было видѣть торжество русскихъ послѣ Куликовской побѣды. Онъ, такъ много потрудившійся къ пріуготовленію этого торжества, преставился за два года

до нашествія Мамая, въ глубокой старости, 78 лѣтъ, пробывъ 24 года на митрополичьей каѳедрѣ. Уже чувствуя приближеніе кончины, онъ отслужилъ литургію, причастился Святыхъ Даровъ, помолился о Великомъ Князѣ, и о прочихъ князьяхъ и боярахъ, о воинствѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ, преподалъ всѣмъ, бывшимъ при немъ, благословеніе, началъ самъ читать молитвы на исходъ души своей и — угасъ. Это было 12 февраля 1378 года.

Выше было сказано, что святитель Алексій находился въ самой тѣсной дружбѣ съ преподобнымъ Сергіемъ. Приближаясь къ глубокой старости, св. Алексій желалъ еще при жизни своей предназначить себѣ преемника, и такимъ преемникомъ никого не хотѣлъ видѣть, кромѣ препод. Сергія. Горячо убѣждалъ св. Алексій великаго своего друга воспріять епископскій санъ, что бы послѣ, когда настанетъ время, быть и митрополитомъ всероссійскимъ. Но смиренно мудрствующій Сергій на всѣ убѣжденія отвѣчалъ одними словами: «выше мѣры моея есть дѣло сіе!» И св. Алексій принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Послѣ св. Алексія преподобный Сергій украшалъ Церковь русскую еще 13 лѣтъ. Кончина его послѣдовала 25 сентября 1391 года. Чрезъ 30 лѣтъ (въ

1422 г.) открыты были и прославлены его нетлѣнные мощи. Всей Россіи извѣстна славная Троице-Сергіева Лавра, въ которой почиваютъ эти мощи, привлекающія ежегодно десятки тысячъ поклонниковъ. Великій угодникъ Божій, преподобный Сергій почитается преимущественнымъ ходатаемъ предъ Господомъ за Русскую землю. Ниже особо будетъ разсказано о томъ, какое горячее участіе принималъ преподобный Сергій въ славномъ подвигѣ Димитрія Донскаго на знаменитомъ Куликовомъ полѣ. Теперь же продолжимъ рѣчь о первосвятителяхъ Московскихъ.

- —

Два великихъ Іерарха украшали собою Русскую Церковь между святителемъ Алексіемъ и Іоною— это св. Кипріанъ и св. Фотій. Оба они, отличаясь строгимъ благочестіемъ, были достойными преемниками св. Алексія по своей неусыпной ревности о благѣ Церкви и Отечества въ тяжелое, скорбное его время.

Въ управленіе митрополіею св. Кипріана Владимірская икона Божіей Матери ознаменовалась явленіемъ особеннаго благодатнаго заступленія для Москвы и всей Россіи. Вотъ какъ повѣствуется объ этомъ чудесномъ событіи.

Въ Русскіе предѣлы неожиданно вторгся сви-

рѣпый завоеватель Тамерланъ, покорившій чуть не всю Азію, сокрушившій турецкаго султана Баязета (котораго и возилъ вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ). Россія съ ужасомъ услыхала о приближеніи къ ея предѣламъ безчисленныхъ полчищъ сего завоевателя, величавшаго себя «властителемъ міра.» Въ началѣ августа 1395 г. они опустошили предѣлы Рязанскіе. В. Князь рѣшился встрѣтить ихъ, какъ отецъ его встрѣтилъ Мамая, — съ оружіемъ. Оставивъ въ Москвѣ Серпуховскаго Князя Владиміра Андреевича и недавно предъ тѣмъ возвратившагося изъ Новгорода митрополита, самъ отправился на берега Оки къ Коломнѣ, и оттуда призывалъ своего архипастыря и народъ споборствовать защитникамъ Руси постомъ и молитвами, приказалъ укрѣплять Москву на случай осады, и въ то же время, для безопаснѣйшаго огражденія столицы, просилъ митрополита перенесть изъ Владиміра въ Москву славный чудотвореніями образъ Пр. Богородицы, по преданію, писанный св. Евангелистомъ Лукою. Воззванія В. Князя не остались бездѣйственны. Наступившій предъ праздникомъ Успенія Божіей Матери постъ былъ посвященъ самымъ усерднымъ моленіямъ и подвигамъ строгаго самоумерщвленія. Въ храмахъ непрестанно совершались молитвы о Князѣ и вояхъ его: митрополитъ почти не выходилъ изъ церкви, то поучалъ

оставшихся въ Москвѣ, то молебствовалъ за идущихъ пролить кровь свою за вѣру и отечество. Отправленное имъ во Владиміръ духовенство Московскаго Успенскаго Собора, 15 августа, приняло на свои руки древнюю святыню и чрезъ десять дней, въ сопровожденіи множества народа приблизилось съ нею къ стѣнамъ Москвы (26 числа). Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ и жителями столицы вышелъ за городъ для срѣтенія грядущей Покровительницы. Въ этомъ безчисленномъ множествѣ нельзя было видѣть человѣка, говоритъ лѣтописецъ, который бы не плакалъ и не возсылалъ моленій къ Пресвятой Владычицѣ. И молитва вѣры была услышана, упованіе не посрамилось. Въ тотъ самый день, когда срѣтали въ Москвѣ икону Божіей Матери, Тамерланъ оставилъ берега Дона, на которыхъ стоялъ двѣ недѣли. Не явно ли то было покровительство Царицы Небесной не одной Москвѣ, но и всему отечеству нашему, которому грозило опустошеніе отъ врага несравненно сильнѣйшаго, нежели Мамай. Съ невыразимою радостію приняли въ Москвѣ извѣстіе объ удаленіи Тамерлана. Исповѣдавъ милость Божію, всѣ восклицали: «Не наши воеводы прогнали его, не наши воинства устрашили его, но сила невидимая послала на него страхъ и трепетъ. Гнѣвомъ Божіимъ гонимый, онъ удалился изъ земли Русской!» И когда В. Князь

возвратился въ Москву, тогда положено было на мѣстѣ срѣтенія Чудодѣйствующей иконы Пр. Богородицы устроить церковь и монастырь, который и донынѣ сохраняетъ имя данное отъ сего *срѣтенія*, и тогда же повсемѣстно установлено праздновать 26 августа, какъ день избавленія Россіи отъ страшнаго врага.

Св. Іона до его избранія на каѳедру митрополита Всероссійскаго былъ епископомъ въ Рязани и Муромѣ, въ такихъ городахъ, которые въ своихъ областяхъ имѣли много язычниковъ. Управляя своею паствою, онъ многихъ невѣрныхъ крестилъ. Усердно проповѣдывалъ слово Божіе по своей обширной епархіи, повсюду поставляя церкви; вездѣ пользовался любовію своей паствы. Но вотъ послѣдовало избраніе блаженнаго Іоны въ митрополиты Всероссійскіе. Избранный святитель отправился, съ грамотою отъ В. Князя Василія Васильевича, въ Царь-градъ для посвященія. Но прежде, чѣмъ онъ прибылъ туда, Исидоръ, родомъ Болгаринъ, предупредилъ его въ правахъ на первосвятительскую каѳедру въ Россіи. Утвержденный на Русскую митрополію, Исидоръ уже направлялъ путь въ Россію для занятія каѳедры. Когда св. Іона представилъ Царю и Патріарху грамоту отъ В. Князя, они, прочитавъ ее, изъявили сожалѣніе, что поспѣшили поставить митрополитомъ Исидора, и

вмѣстѣ сказали Св. Іонѣ: «Не можемъ мы измѣнить уже совершившагося, но если что промыслитъ воля Божія о Исидорѣ, или смертію онъ скончается, или иное что съ нимъ станетъ, ты, Іона, будешь готовъ и благословленъ на престолъ Кіевскій и всея Россіи». Поскорбѣлъ Св. Іона, что безуспѣшно ходилъ въ Царь-градъ. Еще чрезъ много испытаній надлежало пройти его смиренію, когда избранный и нареченный всею землей Русскою, долженъ былъ сопутствовать въ качествѣ простаго епископа, восхитившему престолъ его; но смиренная преданность волѣ Божіей успокоила его. Не безъ особеннаго Промысла совершилось временное сіе уничиженіе. Св. Іона, *послѣдній* изъ первосвятителей русскихъ, ходилъ въ Царь-градъ за поставленіемъ до паденія Греческой имперіи, и надлежало ему заблаговременно вынести оттуда предварительное благословеніе на митрополію, не только для себя, но въ лицѣ своемъ и для преемниковъ; ибо безуспѣшное хожденіе подало впослѣдствіи поводъ къ соборному на Руси избранію ея митрополитовъ.

Предвосхитившій русскую первосвятительскую митрополію болгаринъ Исидоръ вскорѣ заявилъ себя измѣнникомъ православной вѣры и бѣжалъ изъ Москвы въ Римъ.

На Россійскую митрополію *вторично* былъ из-

бранъ Св. Іона. В. Князь, не посылая его въ Константинополь, рѣшился просить Императора и Патріарха о дозволеніи Русскимъ епископамъ отнынѣ навсегда самимъ избирать и поставлять себѣ митрополита. Но посланіе В. Князя, по обстоятельствамъ, не достигло до Константинополя.

В. Князь Василій Васильевичъ внезапно былъ захваченъ въ плѣнъ Княземъ Димитріемъ Шемякою, и въ собственной столицѣ былъ имъ ослѣпленъ (16 Февраля 1446 г.). Совершивъ такое злодѣйство, Шемяка заточилъ В. Князя въ Угличъ, а самъ овладѣлъ великокняжескимъ престоломъ. Не довольствуясь этимъ, онъ замыслилъ захватить и дѣтей В. Князя въ свои руки изъ Мурома, гдѣ они находились подъ охраною вѣрныхъ бояръ. Чтобы привлечь ихъ къ себѣ, онъ прибѣгъ къ посредничеству Св. Іоны, бывшаго еще Рязанскимъ епископомъ. Святитель, взявъ дѣтей несчастнаго Василія подъ клятвою, передалъ ихъ Шемякѣ; но вѣроломный Шемяка отправилъ и ихъ въ заточеніе въ Угличъ. Св. Іона не переставалъ обличать клятвопреступника. Шемяка рѣшился дать свободу В. Князю, и вмѣстѣ назначилъ ему въ удѣлъ Вологду.

Но В. Князь, чрезъ пять мѣсяцевъ оставилъ Вологду, и опять занялъ великокняжескій престолъ, беззаконно у него отнятый. Едва онъ утвердился

на великокняжескомъ престолѣ, какъ началъ помышлять о поставленіи уже независимо отъ Константинополя митрополита. Въ Москвѣ слышали, что турецкое оружіе и латинская унія обезсилили престолъ императорскій и патріаршій, что въ Царьградѣ свирѣпствуетъ раздѣленіе между вѣрными православію и согласными на соединеніе съ Римомъ, и что, хотя въ церквахъ и монастыряхъ Константинопольскихъ, равно какъ и въ св. Горѣ Аѳонской, держатся старины, но въ соборномъ Софійскомъ храмѣ и въ придворной церкви поминается имя Папы. Принимая это во вниманіе, равно какъ и другія причины, по которымъ В. Князь находилъ нужнымъ избирать и поставлять митрополита изъ Русскихъ и самими русскими епископами, обратились къ правиламъ церковнымъ и древнимъ примѣрамъ Русской Церкви. Въ правилахъ апостольскихъ и перваго вселенскаго собора сказано, что если неудобно, по какимъ-либо причинамъ, собраться всѣмъ епископамъ въ какой-либо области для поставленія епископа, то пусть соберутся трое въ одно мѣсто, а отсутствующіе изъявятъ согласіе на рукоположеніе. Древняя исторія Русской Церкви представляла два примѣра избранія и посвященія митрополитовъ Русскими епископами. Основываясь на этихъ правилахъ и примѣрахъ, и, принимая во вниманіе уже данное Патріархомъ благословеніе на

митрополію епископу Рязанскому, соборъ русскихъ епископовъ пятаго декабря 1448 г. поставилъ Іону въ митрополита Кіевскаго и всея Руси.

Св. Іона, облеченный въ санъ митрополита, началъ, какъ добрый пастырь, подвизаться для блага обширной своей паствы, стараясь повсюду распространять благочестіе посредствомъ поученій. Первою его заботой, на первосвятительской каѳедрѣ, было пресѣчь смуты и кровопролитіе, причиняемыя Шемякою и его мятежными сподвижниками. По заключеніи новаго договора между нимъ и В. Княземъ св. Іона окружною грамотой призывалъ всѣхъ увлеченныхъ на сторону Шемяки обратиться къ своему долгу, искать милости у В. Князя, не губить душъ своихъ пролитіемъ крови христіанской, въ противномъ же случаѣ угрожалъ имъ неблагословеніемъ и повелѣніемъ затворить для нихъ храмы Божіи. Шемяка хотя на время примирялся съ В. Княземъ, но вскорѣ опять на него возставалъ. Св. Іона не переставалъ вразумлять его и тѣхъ, которые склонялись на его сторону, пока смерть Шемяки не пресѣкла смуты, производимыя имъ.

Святость человѣка Божія просіяла еще при жизни его чудными знаменіями: онъ весь былъ исполненъ Христовой любви и готовъ душу свою положить за паству. Ему Богъ даровалъ благо-

дать чудотворенія и прозрѣнія въ будущее. Укажемъ на такой случай: По молитвамъ св. Іоны исцѣлѣла дочь В. Князя Анна, находившаяся при смерти. Нѣкто, не вѣруя, чтобы княжна молитвою Святителя получила здоровье, распускалъ слухъ, что у нея болѣзнь сама собою прошла. Св. Іона призываетъ этого человѣка; начинаетъ внушать ему не хулить благодать Св Духа: «чадо, говорилъ онъ ему, не сомнѣвайся въ *этомъ*; что для людей невозможно, то возможно Богу: по вѣрѣ ея державныхъ родителей, сверхъ чаянія, Богъ даровалъ жизнь отроковицѣ». Но онъ, не слушая Святителя, началъ еще болѣе оскорблять его хульными словами. Святый сказалъ ему: «да свяжется злой твой языкъ, и да заградятся хульныя твоя уста; вмѣсто оной дѣвицы, имѣвшей умереть, да умрешь ты». Хульникъ тотчасъ упалъ; у него языкъ отнялся; чрезъ нѣсколько мгновеній онъ извергъ свою душу.

Въ 1457 году попущеніемъ Божіимъ татары вторглись въ Россію. Предводительствовавшій ими ханъ подступилъ къ Москвѣ и зажегъ посады. Между тѣмъ непріятель со всѣхъ сторонъ облегалъ Москву огромными силами. Св. Іона, въ сопровожденіи всего клира, взявъ честные кресты и святыя иконы, обошелъ Кремль по его стѣнамъ, со слезами моля Господа о избавленіи отъ враговъ. Увн-

давъ инока, по имени Антонія, старца изъ Чудова монастыря, проводившаго благочестивую жизнь, говоритъ ему: «Сынъ и братъ Антоній! помоли милостиваго Бога и Пречистую Богородицу о избавленіи города и всего православнаго христіанства отъ безбожныхъ татаръ». Антоній отвѣчалъ ему: «Святитель, благодаримъ Бога и Пречистую Его Матерь, крѣпкую и скорую нашу помощницу; твою молитву Она услышала и умолила Своего Сына, Господа нашего Іисуса Христа, да спасенъ будетъ сей городъ и все православное христіанство тебя ради. Татары невидимою силою будутъ побѣждены и прогнаны; судьбы Господни повелѣли мнѣ только умереть отъ ихъ руки». Едва онъ сказалъ сіи слова, вдругъ изъ стана непріятельскаго стрѣла смертельно его ранила. Старецъ, немного поболѣвши, предалъ душу свою Богу. Святитель самъ почтилъ его погребеніемъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ.

И сколько ни часто повторялись нашествія татаръ въ правленіе Василія, сколько ни были они опустошительны, упованіе Святителя на милость Божію къ Россіи, возстающей послѣ долгаго угнетенія, столь было сильно и крѣпко, что онъ вмѣстѣ съ соименнымъ ему архипастыремъ Новгородскимъ, обѣщался испросить у Бога торжество надъ ордою и самодержавное царствованіе правителямъ Россіи.

Содѣйствуя благоденствію Россіи своими молитвами, св. Іона, какъ попечитель отечества, раздѣлялъ съ В. Княземъ важнѣйшія государственныя заботы, постепенно приготовлявшія самодержавіе В. Князей Московскихъ. Своимъ благословеніемъ, онъ утверждалъ всѣ договоры В. Князя Московскаго съ другими Русскими Князьями. Нужна ли была В. Князю помощь противъ татаръ: онъ ее у Князей испрашивалъ для него чрезъ ихъ Епископа; возставалъ ли кто противъ него изъ преемниковъ Шемяки: онъ старался соподчинить ему мятежниковъ, употребляя для того духовную власть.

Достигнувъ глубокой старости и уже готовый къ исходу изъ сей жизни. Святый Іона, по совѣту В. Князя и съ согласія прочихъ епископовъ. самъ назначилъ себѣ преемникомъ старшаго изъ архіепископовъ по служенію, а можетъ-быть и по лѣтамъ,—Ѳеодосія Ростовскаго. Это было сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Церковь Русская, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не оставалась безъ архипастыря. Въ утвержденіе сего избранія, Св. Іона далъ Ѳеодосію благословенную грамоту на митрополію, за своею подписью и печатью, и эта грамота до времени положена была въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ на престолѣ.

Предъ своею кончиной Св. Іона преподалъ

миръ и благословеніе В. Князю Василію и сѣмени его и всей своей паствѣ. Съ молитвою въ устахъ онъ отрѣшился отъ тѣла, бывшаго храмомъ Духа Божія. Святитель почилъ въ глубокой старости и погребенъ 31 марта 1461 г., во вторникъ на страстной недѣлѣ. Чрезъ 11 лѣтъ открыты были нетлѣнные его мощи, теперь почивающіе въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Достойно благоговѣйнаго вниманія то обстоятельство, что при разграбленіи собора французами въ 1812 году богатая серебряная (2½ п.) рака святителя Іоны и даже подсвѣчникъ при ней остались неприкосновенными, а св. Чудотворецъ обрѣтенъ послѣ того съ поднятою, какъ бы грозящею рукою. Нѣсколько разъ, говорили современники, покушались враги коснуться сей святыни, но всегда были приводимы, при показывавшемся пламени, въ трепетъ сверхъестественною силою; столь неудачныя покушенія ихъ достигли слуха Наполеона, который захотѣлъ самъ увѣриться въ справедливости странныхъ для него донесеній, и самъ испыталъ тотъ же трепетъ, и притомъ увидѣлъ, что св. Угодникъ приподнялъ руку и грозилъ сю. Гордый покоритель Европы содрогнулся, поспѣшно вышелъ изъ храма и тотчасъ же приказалъ запереть его.

Около столѣтія прошло послѣ святителя Іоны, прежде чѣмъ въ Россіи на первосвятительской каѳедрѣ явился высокій поборникъ истины въ лицѣ святителя *Филиппа*, заключившаго собою четверицу великихъ іерарховъ Русской Церкви. Въ этотъ промежутокъ времени совершилось радостное событіе для Россіи, о которомъ святитель Іона, отходя изъ сей жизни, обѣщался предстательствовать предъ престоломъ Божіимъ: не болѣе двадцати лѣтъ прошло послѣ его кончины, какъ Россія, послѣ долгаго рабства подъ игомъ Татарскимъ, совершенно вышла на свободу; Русскіе князья перестали ходить въ Орду съ данью къ ханамъ. Татары болѣе не показывались въ предѣлахъ Россіи огромными полчищами послѣ того, какъ ихъ ханъ Ахметъ, ополчившись на нее, оставилъ ея предѣлы безъ всякой битвы. Но едва Россія вздохнула отъ татаръ, какъ вновь начались для нея темныя времена, въ которыя Господь видимо ее назиралъ. При митрополитѣ Зосимѣ появилась ересь жидовская. Самъ митрополитъ ей сочувствовалъ. Когда она угрожала охватить собою Русскую Церковь, возсталъ твердымъ защитникомъ православія преподобный Іосифъ Волоколамскій. Онъ своими писаніями остановилъ потокъ распространявшейся ереси. Отъ недостатка живой проповѣди всюду усиливалось невѣжество: суевѣріе въ разныхъ ви-

дахъ и богохульное святотатство доходили въ народѣ до крайности. Провидѣніе посылаетъ для такого времени просвѣщеннаго грека, преподобнаго Максима. Твердый въ православіи, при обширныхъ познаніяхъ, онъ, приблизившись къ Великокняжескому Двору, началъ отдѣлять свѣтъ отъ тьмы, истину отъ лжи. При его живомъ словѣ, проникнутомъ духомъ чистаго православія, невѣжество стало разсѣеваться; но истина, за которую стоялъ преподобный Максимъ, не всѣмъ была пріятна, онъ долженъ былъ запечатлѣть ее многими страданіями. Настаетъ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго. Россія отъ его неистовствъ поражена была ужасомъ. Среди мрака, покрывавшаго ее, просіялъ отрадный свѣтъ въ святителѣ Филиппѣ, увѣнчавшемся за истину мученическимъ вѣнцемъ.

Св. Филиппъ родился въ Москвѣ, при Царѣ Василіи Іоанновичѣ, 11-го февраля 1501 года. При св. крещеніи нареченъ былъ Θеодоромъ. Родители его, Стефанъ и Варвара Колычевы, были знатнаго рода. Оба они жили въ заповѣдяхъ Божіихъ. Потому Господь послалъ имъ такого сына, который впослѣдствіи былъ украшеніемъ Русской Церкви. Когда Θеодоръ сталъ подрастать, родители начали учить его грамотѣ. Прилежаніемъ и трудомъ онъ препобѣдилъ всѣ трудности, какія первоначально представляетъ школа. Всецѣло пре-

давшись ученію, онъ не вмѣшивался въ пустыя игры своихъ сверстниковъ, и избѣгалъ общенія съ ними, дабы лучше сохранить чистоту сердечную, много теряющую отъ разсѣянія; любилъ читать книги, въ особенности жизнеописанія святыхъ мужей, примѣры которыхъ направляли къ Богу юное сердце его. Его благонравіе всѣхъ удивляло, а родителей утѣшало.

При всей своей любви къ уединенной жизни, Ѳеодоръ долженъ былъ разстаться съ такою жизнію. По смерти Василія Іоанновича престолъ занялъ малолѣтній его сынъ, Іоаннъ, подъ опекою матери и бояръ. Ѳеодоръ, сдѣлавшись извѣстенъ двору по своей прекрасной жизни, призывается на службу къ юному Царю вмѣстѣ съ дѣтьми другихъ бояръ. На этомъ высокомъ мѣстѣ онъ нисколько не измѣнился въ образѣ жизни: среди шума и блеска придворнаго, онъ не переставалъ быть смиреннымъ и кроткимъ: всѣ соблазны, какіе срѣтали его, обходилъ онъ мужественно, имѣя въ сердцѣ страхъ Божій. Однажды, на тридцатомъ году своей жизни, онъ вошелъ въ церковь во время чтенія Евангелія; его поразили слова: *никто не можетъ двѣма господинома работати.* (Мѳ. 6 24). Эти слова пали на его сердце. Онъ началъ размышлять, какъ бы оставить придворную жизнь. Вспомнивъ о Соловецкой обители, о которой слыхалъ, что иноки

тамъ ведутъ строгую жизнь, рѣшился уйти туда. Помолившись святымъ иконамъ и приложившись къ нетлѣннымъ останкамъ угодниковъ Божіихъ, взялъ онъ самую необходимую одежду, оставилъ тайно царскія палаты и простился заочно съ своими родителями.

На пути къ Соловецкой обители Ѳеодоръ достигаетъ Онежскаго озера. Здѣсь утомившись отъ дороги, онъ остановился въ одной деревнѣ у гостепріимнаго селянина. Хозяинъ, видя, что онъ человѣкъ смиренный и кроткій, поручаетъ ему пасти его стадо. Господу угодно было, чтобы будущій пастырь словеснаго стада, прежде пасъ стадо безсловесное. Между тѣмъ, родители узнавши, что онъ неизвѣстно куда скрылся, стали всюду его искать и, нигдѣ не находя, предались неутѣшной печали. Ѳеодоръ, поживъ нѣсколько времени у селянина, уходитъ въ Соловецкій монастырь. Когда онъ прибылъ сюда, игуменъ Алексій назначилъ ему послушаніе — заниматься черными работами. Ѳеодоръ, оградившись страхомъ Божіимъ, всѣ приказанія безпрекословно исполнялъ въ простотѣ сердца: рубилъ дрова, копалъ землю, таскалъ камни и несъ другія тяжелыя работы. Много разъ подвергался оскорбленіямъ, побоямъ отъ неразумныхъ, но ни на кого не гнѣвался, а съ радостію все переносилъ. Испытавъ себя въ терпѣніи, Ѳеодоръ про-

ситъ игумна постричь его въ иноки. Игумну пріятно было облечь въ ангельскій чинъ такого кроткаго послушника. Өеодоръ при постриженіи нареченъ былъ Филиппомъ. Игуменъ поручилъ его для руководства старцу высокой жизни Іонѣ. Филиппъ у своего духовнаго отца научился всякой добродѣтели. Подвижническая жизнь Филиппа не могла укрыться отъ общаго вниманія: всѣ начали говорить о немъ, какъ о примѣрномъ инокѣ. Филиппъ, бѣгая славы, вышелъ изъ монастыря въ пустыню. Здѣсь, устремивъ умъ къ Богу, пребывалъ онъ въ непрерывной молитвѣ. Въ такомъ подвигѣ пробывъ въ уединеніи не мало времени, опять возвратился къ прежнимъ монастырскимъ трудамъ. Игуменъ радовался его подвижнической жизни и пожелалъ сдѣлать его своимъ помощникомъ по управленію монастыремъ. Девять лѣтъ правилъ св. Филиппъ ввѣренною ему частію. Игуменъ сдѣлался нездоровъ. Способность Филиппа къ управленію, при строгой жизни, расположила игумна избрать его своимъ преемникомъ. Филиппъ долго отказывался отъ предлагаемаго ему начальства, по свойственному ему смиренію. Уступивъ общему желанію, онъ, съ архипастырскаго благословенія, принялъ въ своей обители настоятельство. Въ санѣ игумна св. Филиппъ не измѣнилъ образа жизни; большіе еще труды сталъ на себя налагать: употреблялъ

всѣ силы для благоустроенія ввѣренной его управленію обители. Средства оной были очень скудны. При игуменѣ Алексіи, лѣтъ за десять до его кончины, монастырь сгорѣлъ до основанія. Постройка новой обители оставалась неоконченною до поступленія Филиппа въ игумена. Филиппъ скоро привелъ обитель въ цвѣтущее состояніе. Онъ употребилъ въ дѣло все свое состояніе, полученное отъ родныхъ и обратился къ самому Царю съ просьбою оказать свою помощь бѣдному монастырю. Царь, любившій Филиппа и знавшій его хорошо съ дѣтства, прислалъ ему много даровъ и далъ монастырю разныя льготы и нѣсколько деревень.

Молва о высокой добродѣтели настоятеля Соловецкаго, бывшаго боярина, быстро распространялась по всей Россіи; отовсюду потекла милостыня — царская и народная — въ прославленную обитель. Царь Іоаннъ почти ежегодно жаловалъ ей или волость, или богатый вкладъ. Уваженіе къ мудрости и благочестію Филиппа побудило Царя призывать его въ столицу для совѣта. Два раза св. Филиппъ былъ въ Москвѣ, по призыву Царя: въ 1550 и 1551 году.

По смерти митрополита Макарія Іоаннъ Васильевичъ избралъ на митрополію своего духовника Аѳанасія. Но онъ, по своимъ немощамъ, недолго

занималъ первосвятительскую каѳедру. Избранный вмѣсто него Казанскій архіепископъ Германъ на первыхъ же разахъ не полюбился Царю за его обличенія. Царь вызвалъ изъ Соловецкой обители игумна Филиппа. Сильно св. Филиппъ противился желанію Царя. Ему не хотѣлось разстаться съ своею обителію. Наконецъ онъ покорился волѣ царской. Его посвященіе совершено было съ обычною торжественностію десятью епископами... Но на этомъ высокомъ мѣстѣ св. Филиппа срѣтили жестокія испытанія, среди которыхъ онъ украсился вѣнцемъ мученическимъ.

Вельможи, окружавшіе Царя съ малыхъ его лѣтъ, другъ противъ друга вооружались; дѣлали другъ другу зло. Ихъ ссоры возмутили Царя. Онъ сталъ суровъ, жестокъ и подозрителенъ. Ему страшны были его родственники и близкіе. Въ такомъ мрачномъ настроеніи онъ дѣлитъ свое царство; одну часть составляетъ земщина, другую опричнина изъ буйныхъ боярскихъ юношей. Первою завѣдываютъ бояре, а надъ послѣднею принялъ начальство самъ Царь. Такому дѣленію противится св. Филиппъ. Царь не слушаетъ. Его опричнина на всѣхъ наводитъ ужасъ. Гдѣ съ нею онъ ни является, вездѣ льется невинная кровь, и дымятся кровы мирныхъ жителей.

Среди мертваго безмолвія столицы, всѣ ожи-

дали, не раздастся ли за нихъ единственный спасительный голосъ Филиппа. Святителю больно было видѣть буйство клевретовъ царскихъ. Онъ не устрашился жестокости Іоанна, но съ свѣтлымъ лицемъ и крѣпкимъ духомъ приступилъ къ Царю: «О державный», сказалъ онъ, «имѣя превыше всякой чести, почти Господа, давшаго тебѣ сіе достоинство! Скипетръ земной есть только подобіе небеснаго; онъ данъ тебѣ, дабы ты научилъ человѣковъ хранить правду. Соблюдай данный тебѣ отъ Бога законъ, управляй въ мирѣ и законно. Обладаніе земнымъ богатствомъ уподобляется рѣчнымъ водамъ, и мало-по-малу иждивается; сохраняется только одно небесное сокровище правды. Если и высокъ ты саномъ, но естествомъ тѣлеснымъ подобенъ всякому человѣку, ибо хотя и образомъ Божіимъ почтенъ, но и персти причастенъ. Тотъ по истинѣ можетъ назваться властелиномъ, кто обладаетъ самъ собою, не работаетъ страстямъ и побѣждаетъ любовію. Слышно ли когда-либо было, чтобы благочестивые Цари сами возмущали свою державу? И между иноплеменниками никогда подобнаго не бывало».

Яростію исполнился Царь при этомъ первомъ увѣщаніи, котораго не ожидалъ, и сказалъ: «Что тебѣ, чернецу, до нашихъ царскихъ совѣтовъ? или не знаешь, что мои же хотятъ меня поглотить?» —

«Не обманывай себя напраснымъ страхомъ», сказалъ ему св. Филиппъ, «по избранію священнаго собора, и по твоему изволенію, пастырь я Христовой Церкви, и мы всѣ заодно съ тобою, чтобы имѣть попеченіе о благочестіи и спасеніи всего православнаго христіанства».—Одно лишь повторяю тебѣ, честный отче», возразилъ Іоаннъ, «молчи, а насъ благослови по нашему изволенію». Но блаженный отвѣчалъ: «Наше молчаніе полагаетъ грѣхъ на душу твою и наноситъ всеобщую смерть: худой кормчій губитъ весь корабль. Если мы послѣдуемъ волѣ человѣческой, какъ скажемъ въ день пришествія Господня; се азъ и дѣти, яже ми еси далъ? ибо Господь говоритъ во святомъ Евангеліи: *сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, яко же Азъ возлюбихъ вы; больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя*, и паки: *яко весь законъ и пророцы во двоихъ заповѣдяхъ сихъ висятъ: еже возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и ближняго яко самъ себе*. и паки, утверждая учениковъ: *аще въ любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете*. Таково наше мудрствованіе и сего мы держимся крѣпко».

Утихъ нѣсколько раздраженный Царь и съ болѣе кроткимъ духомъ сказалъ: «Владыко Святый! Возсташа на мя друзи мои, и искренніи мои прямо

мнѣ приближишася и сташа, и ближніи мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущіи душу мою, ищущіи злая мнѣ».

Такъ какъ здѣсь подъ ближними, возстающими на душу Царя, разумѣлись бояре, и этимъ мятежнымъ духомъ бояръ оправдывалось раздѣленіе царства, то Филиппъ и рѣшился показать Царю правильный путь къ искорененію зла.

«Государь Царь!» говорилъ онъ, «различай лукаваго отъ правдиваго, принимай добрыхъ совѣтниковъ, а не ласкателей, такъ какъ первые соблюдаютъ истинно полезное, а послѣдніе имѣютъ въ виду лишь угожденіе сильнымъ. Грѣшно не возбранять согрѣшающимъ: но затѣмъ раздѣлять единство державы? Ты поставленъ отъ Бога судить людей Божіихъ въ правду, а не представлять изъ себя мучителя. Обличи тѣхъ, кто не прямо говоритъ предъ тобою, и отсѣки отъ себя, какъ гнилые члены; а людей своихъ устрой въ соединеніи. Гдѣ любовь нелицемѣрная, тамъ пребываетъ Богъ».

Іоаннъ снова вспыхнулъ гнѣвомъ, услышавъ намекъ о недостойныхъ любимцахъ.

«Филиппъ!» вскричалъ онъ, «не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя гнѣвъ мой, или оставь этотъ санъ».

На слова гнѣва Филиппъ отвѣтствовалъ словами духовной силы:

«Благочестивый царь! ни моленій, ни ходатайства, ни подкупа не употреблялъ я изъ желанія воспріять эту власть. Зачѣмъ ты самъ лишилъ меня пустыни и отцовъ? Если ты дерзаешь попирать законы, твори, что хочешь: но, когда настало для меня время подвига, мнѣ непростительно ослабѣвать».

Послѣ такихъ встрѣчъ Царь бывалъ мраченъ, задумчивъ. Онъ приходилъ въ сознаніе своей глубокой душевной болѣзни и, слѣдовательно, не могъ не оправдывать человѣка, предлагавшаго ему врачество; но болѣзнь такъ застарѣла, что малѣйшее прикосновеніе къ больному мѣсту приводило его въ сильнѣйшее раздраженіе; поэтому покой обманчиваго самозабвенія онъ предпочиталъ спасительнымъ дѣйствіямъ горькихъ лѣкарствъ; если не могъ увѣрить самого себя въ томъ, что здоровъ, то хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы другіе не смѣли напоминать ему объ опасномъ недугѣ.

Отъявленные враги Филиппа и самые неистовые опричники, Малюта Скуратовъ и Василій Грязной, умѣли воспользоваться такимъ расположеніемъ Іоанна и разожгли гнѣвъ его на смѣлаго обличителя. «Таже по семь горша бысть православной вѣрѣ, отъ того опришничества, возмущеніе во всемъ мірѣ и кровопролитіе». Опричники, вооруженные длинными ножами и сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, убивали всенародно чело-

вѣкъ десять, или двадцать въ день: трупы лежали на улицахъ, на площадяхъ: никто не смѣлъ погребать ихъ. Граждане боялись выходить изъ домовъ. Уныніе сдѣлалось общимъ: знатные, какъ и простолюдины, были безпомощны, ибо не было доступа до Государя, всегда и вездѣ окруженнаго своими тѣлохранителями. Нѣкоторые изъ первостепенныхъ сановниковъ, окруженные трепещущимъ народомъ, приходили къ митрополиту, рыдая указывали на позорище казней и требовали заступленія. Митрополитъ, самъ глубоко возмущенный въ праведной душѣ своей, являлся твердымъ и спокойнымъ въ присутствіи другихъ. И теперь словами, растворенными любовію, какъ отецъ чадолюбивый, утѣшалъ онъ бояръ говоря:

«Друзья, молю васъ: не сокрушайтесь. Вѣренъ Богъ! Онъ не допуститъ намъ быть искушаемыми сверхъ силъ, и не дастъ намъ погибнуть до конца! Здѣсь-то вамъ и уготованы вѣнцы! Здѣсь-то и мнѣ предстоитъ благій подвигъ! Апостолъ говоритъ мнѣ: *аще на лицы зрите, то грѣхъ содѣваете*; Давидъ вооружаетъ меня пѣснію; *глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари и не стыдяхся!* Вы теперь избранные Божіи. Се сѣкира лежитъ при корени; не страшитесь, помня, что уже не земныя блага, а небесныя обѣщаетъ намъ Богъ; я же радуюсь, что могу пострадать за васъ, братіе и чада: вы — мой

отвѣтъ предъ Богомъ, вы—вѣнецъ мой отъ Господа».

Внимая словамъ Святителя, вельможи съ умиленіемъ лобызали его руки; утѣшенные возвращались въ домы съ новою привязанностью къ архипастырю и, если не безопасность, то искреннѣйшую преданность волѣ Божіей приносили своимъ семействамъ и окружающимъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ описаннаго нами свиданія бояръ со Святителемъ, 21 марта, въ крестопоклонное воскресенье было въ Успенскомъ соборѣ митрополичье служеніе. Филиппъ стоялъ на своемъ святительскомъ мѣстѣ. Служба уже началась, какъ вдругъ въ церковь входитъ Іоаннъ съ толпою придворныхъ и опричниковъ: онъ самъ и вся его свита были въ черныхъ, высокихъ остроконечныхъ шлыкахъ, въ черныхъ рясахъ, изъ подъ которыхъ виднѣлись яркіе цвѣта и золото кафтановъ, блестѣло оружіе. Филиппъ, какъ говоритъ его жизнеописатель, «въ кроткомъ сердцѣ разжеся огнемъ божественной любви и, какъ адамантъ несокрушимый, стоялъ на возвышеніи, устремивъ взоръ къ Спасителю». Голосъ верховнаго пастыря никогда не могъ быть столь выразителенъ и для народа, и для Іоанна. Царь подошелъ къ Святителю со стороны и ждалъ благословенія. Три раза подклонялъ онъ голову; но митрополитъ, какъ бы

не замѣчая, не отводилъ глазъ отъ образа. Наконецъ одинъ изъ бояръ сказалъ:

«Владыко святый! Благочестивый Государь Царь Иванъ Васильевичъ всея Россіи требуетъ твоего благословенія». Святитель взглянулъ на Царя и кротко сказалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя православнаго, не узнаю и въ дѣлахъ царства. О, Государь, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце на небѣ, не слыхано, чтобы благочестивые Цари возмущали собственную державу. Правда царева въ судѣ, по слову Писанія, а ты лишь неправедныя творишь дѣла твоему народу, когда бы долженъ быть для него образомъ благочестія. Сколь ужасно страждутъ православные: у язычниковъ есть законъ и правда, а у насъ нѣтъ ихъ; всюду находимъ милосердіе, а въ Россіи и къ невиннымъ, и къ справедливымъ нѣтъ жалости. Мы, Государь, приносимъ Господу безкровную жертву, а за алтаремъ льется неповинная кровь христіанская. Сколько невинныхъ страдальцевъ! Ты высокъ на тронѣ, но также человѣкъ».

Іоаннъ закипѣлъ отъ гнѣва, стучалъ жезломъ о плиты помоста, и наконецъ, грозя рукою на Святителя, произнесъ: «Филиппъ! или нашей державѣ смѣешь ты противиться? Посмотримъ, увидимъ, велика ли твоя крѣпость?»

«Царю благій!» былъ отвѣтъ Филиппа, «на-

прасно думаешь устрашить меня муками, я пришлецъ и пресельникъ на землѣ, какъ и всѣ отцы мои: готовъ страдать за истину».

Іоаннъ, страшно раздраженный, не могъ долѣе оставаться въ церкви и вышелъ. Льстецы толпились около Царя, и всякій изъ нихъ спѣшилъ, какъ бы ревнуя о чести государевой, чернить поступокъ Филиппа, клеветать на Святаго. Іоаннъ радъ былъ слушать всякую нелѣпость; конечно, не совсѣмъ вѣря клеветамъ, онъ очень желалъ распустить клеветы въ народъ, предъ глазами котораго онъ видѣлъ себя униженнымъ, и думалъ, такимъ образомъ, отмстивъ Святителю, оправдать свой судъ на него, ибо погибель Филиппа была рѣшена. Іоаннъ положилъ, какимъ бы то ни было образомъ, освободиться отъ докучнаго пастыря. Поступить иначе значило, по его мнѣнію, показать себя робкимъ въ глазахъ опричнины, и никакая мысль не могла болѣе тронуть его самолюбія. Найдены были лжесвидѣтели. Такъ еще въ церкви, во время роковой встрѣчи, въ присутствіи Царя, чтецъ соборный сталъ громко поносить архипастыря гнусными клеветами. Впослѣдствіи клирикъ признался со слезами, что дѣйствовалъ изъ страха, по наущенію. Но какъ бы то ни было, изъ этого и подобныхъ лжесвидѣтельствъ составленъ доносъ въ такомъ духѣ, чтобы окончательно

возстановить противъ Митрополита высшее духовенство и отвратить отъ него народъ. Эти козни не въ силахъ, однако, были поколебать общественной любви къ Филиппу. Тѣ изъ особъ высшаго духовенства, которые не принадлежали къ врагамъ Филиппа, хотя не смѣли произнести ни слова въ защиту своего владыки, не смотря на то, что ясно понимали всю несправедливость обвиненій, однако, влекомые сочувствіемъ къ Святителю, явились къ нему изъявить свою любовь, извинить свое молчаніе жестокостію обстоятельствъ. Филиппъ охотно прощалъ не только ихъ, но и самихъ клеветниковъ. Разрѣшая чтеца, о которомъ упомянуто и за котораго просили его епископы, онъ говорилъ этому юношѣ, извѣстному прежде своимъ добрымъ поведеніемъ:

«Буди тебѣ милостивъ Христосъ! а ты любезный, прости въ свою очередь того, кто тебя склонялъ на зло». «Вижу», продолжалъ онъ, обращаясь къ духовнымъ сановникамъ, «что торжественно хотятъ моей погибели и вооружаютъ противъ меня Государя; но знаете ли, друзья мои, за что? за то, что я не говорилъ имъ льстивыхъ словъ, не дарилъ ихъ богатыми одеждами, не дѣлалъ для нихъ пышныхъ угощеній. Впрочемъ, что бы ни было, не перестану говорить истину, да не тщетно ношу санъ святительскій».

Вѣсть о происшествіи въ соборѣ пронеслась повсюду, и никогда еще Москвитяне не чувствовали въ себѣ такой привязанности, такой любви къ Филиппу, какъ въ это время. Но Москвитяне должны были убѣдится, что возвращеніе Іоанна къ добру невозможно, что объясненіе митрополита съ Царемъ при народѣ еще болѣе раздражило Іоанна. На другой же день были новыя казни, и народъ опустилъ головы въ унынiи. Филиппъ, тотчасъ послѣ размолвки съ Царемъ, переѣхалъ изъ Кремля въ Китай-городъ, на Никольскую улицу, въ монастырь Св. Николая Стараго (нынѣ Греческій), и тамъ жилъ до конца своего святительства.

Въ день Святыхъ Апостоловъ Прохора, Никанора, Тимона и Пармена, 28 іюля, была замѣчательная встрѣча святителя Филиппа съ Царемъ. Въ этотъ день святитель служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и послѣ обѣдни пошелъ по стѣнамъ со крестами. Тутъ присутствовалъ и Царь, по обыкновенію, окруженный опричниками, которые въ послѣднее время дошли до крайней степени въ буйствѣ и развращеніи. Когда крестный ходъ достигъ до святыхъ воротъ, и остановился для обычнаго прочтенія Евангелія, Филиппъ, чтобы преподать «миръ всѣмъ», обратился къ народу, и вдругъ увидѣлъ опричника, стоящаго позади Царя

въ татарской тафьѣ. Носить этотъ головной уборъ, не снимавшійся даже въ церкви и введенный въ употребленіе, вѣроятно, вѣтренной молодежью, запрещено было еще соборомъ 1551 года. Негодованіе возмутило душу Святителя, и онъ тотчасъ сказалъ, обратясь къ Іоанну:

«Государь, не подобаетъ тебѣ, Царю благочестивому, допускать обычай агарянскій: во время чтенія Евангелія стоять съ покровенною головою».

«Какъ такъ? кто смѣлъ?» спросилъ Іоаннъ въ недоумѣніи.

«Вотъ, посмотри: нѣкто изъ дружины твоей». Царь окинулъ взоромъ свиту свою; но виновный уже снялъ и спряталъ тафью. Это разсердило Грознаго, и онъ непремѣнно хотѣлъ дознать, кто осмѣлился допустить безчиніе. Но никто изъ придворныхъ не смѣлъ наименовать виноватаго, ибо это значило оскорбить Государя: опричникъ былъ любимецъ царскій, и приближенные, въ надеждѣ отвратить грозу, замѣтили Іоанну, что митрополитъ солгалъ, что онъ только ищетъ, какъ бы надругаться надъ Царемъ всенародно. Тогда Іоаннъ разразился гнѣвомъ на Филиппа, называлъ его лжецомъ, обманщикомъ, мятежникомъ, клялся, что изобличитъ его во всемъ, и съ этого дня началъ дѣятельно устроивать погибель Филиппа, боясь возмутить народъ несправедливостію слишкомъ явною.

Приступлено было къ производству суда. Всѣхъ главныхъ сановниковъ двора митрополичьяго забрали подъ стражу, допрашивали, пытали; но всѣ они остались вѣрными истинѣ, и потому могли или молчать, или славить добродѣтели Филипповы. Тогда прибѣгли къ другимъ мѣрамъ: чтобы имѣть болѣе видимыхъ предлоговъ къ низверженію его, посылаютъ въ Соловецкій монастырь Суздальскаго епископа Пафнутія съ княземъ Василіемъ Темкинымъ, дьякомъ Пивовымъ и съ военнымъ конвоемъ развѣдать, какъ онъ тамъ жилъ. Зная, чего хочетъ Царь, посланные, прибывши въ Соловецкую обитель, старались собрать поболѣе клеветы на Святаго; они въ клеветѣ склоняли кого ласкательствомъ, подарками и обѣщаніемъ почестей, а на кого старались дѣйствовать угрозами. Благочестивые старцы, несмотря на истязанія, свидѣтельствовали о непорочной жизни бывшаго своего игумна. Однако и клеветниковъ, увлеченныхъ разными обѣщаніями, нашлось не мало; въ числѣ ихъ былъ самъ игуменъ Паисій, которому обѣщано было за ложь епископство. Посланные, взявъ его съ другими клеветниками, прибыли съ ними въ Москву и, представивъ ихъ предъ лице Царя, вмѣстѣ подали ему и составленный ими доносъ на Святителя по собраннымъ клеветамъ.

Царь принялъ съ благоволеніемъ доносы пос-

ловъ, присоединилъ къ нимъ и другія многія лжесвидѣтельства, добытыя съ особенною заботливостію съ разныхъ сторонъ, и приказалъ собраться боярамъ и епископамъ въ соборной церкви Успенія для открытаго суда надъ митрополитомъ. Въ назначенный часъ прибылъ Государь. Филиппъ, облаченный въ священныя одежды, введенъ и поставленъ предъ судилище. Читали всѣ доносы; но, какъ замѣчаетъ писатель «Житія», Царь не убоялся суда Божія, не далъ подсудимому даже очной ставки съ клевстниками. Филиппъ видѣлъ, что оправдываться было бы безполезно, что уже все кончено. Когда же остановились, чтобы выслушать его отзывы, онъ обратился къ Іоанну и сказалъ:

«Государь Царь! ты напрасно думаешь, что я страшусь тебя или смерти. Отъ юности находясь въ пустынѣ, я честно дожилъ до старости. Хочу такъ и окончить жизнь свою и съ миромъ предать духъ свой Господу, моему и твоему Судіи. Я умираю, желая лучше оставить по себѣ память невиннаго мученика, нежели человѣка, о которомъ бы могли сказать, что онъ, оставаясь митрополитомъ, терпѣлъ при себѣ неправосудіе и нечестіе»...

Филиппъ началъ было слагать съ себя знаки своего сана, убѣждая пастырей соблюдать свой долгъ, готовиться къ отчету и страшиться небеснаго Царя болѣе, нежели земнаго; но Іоаннъ оста-

новилъ его, и сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судьею, принудилъ его взять назадъ одежду святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила. Тѣмъ и окончилось засѣданіе.

Это было въ четвергъ, 4 ноября, а въ понедѣльникъ, то есть въ Михайловъ день, митрополитъ прибылъ въ соборъ Успенія, чтобы въ послѣдній разъ совершить безкровную жертву. Когда онъ былъ облаченъ въ святительскія одежды, входитъ въ церковь бояринъ, любимецъ царя, Алексѣй Басмановъ, за нимъ врывается опричня. Богослуженіе было прервано. Басмановъ приказываетъ читать бумагу о низложеніи митрополита. Едва докончено было чтеніе, опричники, по данному знаку, кинулись на Филиппа, начали рвать съ него святительское облаченіе, и, надѣвъ на него ветхую рясу инока, метлами заставили выдти изъ собора. Святитель былъ посаженъ на дровни, и подъ конвоемъ привезенъ въ Богоявленскій монастырь чрезъ Красную площадь. Прежде чѣмъ затворились за нимъ ворота, онъ успѣлъ вымолвить нѣсколько словъ въ утѣшеніе горестной паствѣ: «Дѣти! все, что могъ, я сдѣлалъ. Еслибы не для любви вашей, и одного дня не остался бы я на престолѣ... Уповайте на Бога! въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша». Сказавъ это скрылся. Народъ пороптаъ

между собою и разошелся каждый къ своему дѣлу или въ свой домъ. но всѣ въ уныніи и въ тяжкомъ раздумьи о томъ, что видѣли, и о томъ, что надлежало увидѣть, чего ожидать.

На другой день Филиппа повезли съ такимъ же поруганіемъ въ Кремль. Здѣсь находился и Государь, окруженный опричниками и епископами, здѣсь встрѣтилъ Филиппъ и недостойнаго ученика своего и преемника на игуменствѣ Паисія. Съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на ослѣпленнаго честолюбца, онъ замѣтилъ ему, что злое сѣяніе не принесетъ ему добраго плода; но Паисій подтверждалъ Царю клеветы свои съ дерзостію неслыханною. Филиппа признали виновнымъ въ разныхъ тяжкихъ преступленіяхъ, и между прочимъ въ волшебствѣ. Говорятъ, что Царь, раздраженный самымъ присутствіемъ ненавистнаго ему митрополита, хотѣлъ убить его и сжечь, но склонился на просьбы духовенства и опредѣлилъ ему заточеніе по смерть. Филиппъ, по выраженію его жизнеописателя, стоялъ, какъ «агнецъ посреди волковъ», и, сходя съ поприща своего служенія, хотѣлъ и послѣднюю минуту употребить на пользу, и еще разъ возвысилъ голосъ.

«Перестань, Государь благочестивый», говорилъ онъ: «перестань отъ начинанія нечестиваго. Воспомяни прежнихъ Царей, предковъ твоихъ; они творили добро, ихъ ублажаемъ мы и по смерти;

но надъ тѣми, которые зломъ, неправдою хотѣли царствовать, и доселѣ тяготѣютъ проклятія. Государь! вразумися, подражай святымъ монархамъ: смерть неумолима и къ царю; да не превозносится, но да помыслитъ, что отъ земли и отъ персти восходя на престолъ, со временемъ опять низойдетъ съ него въ ту же персть, въ ту же землю».

Іоаннъ, выслушавъ молча, не отвѣчалъ ни слова; и, гнѣвно посмотрѣвъ на страдальца, далъ знакъ опричникамъ. Они бросились къ осужденному и увлекли его въ темницу. Св. Филиппа заковали въ цѣпи по рукамъ и ногамъ; на шею, на чресла наложили тяжелыя желѣзныя вериги; ноги забили въ колоду, и въ такомъ видѣ бросили его въ узкую, грязную и темную храмину, назначенную быть его тюрьмою. Вязка соломы служила ему постелью. Восемь дней ему не давали пищи. Но тотъ, кто привыкъ къ строгому воздержанію и посту, пережилъ и дни голода. Князь Курбскій, современникъ Іоанна и Филиппа, увѣряетъ, что слышалъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, будто голодный медвѣдь запертъ былъ со святымъ узникомъ; но чудо, бывшее въ Вавилонѣ надъ пророкомъ Даніиломъ, повторилось и надъ святителемъ: тамъ укротились львы предъ лицемъ пророка, здѣсь лютый медвѣдь почувствовалъ надъ собою власть человѣка Божія,—не тронулъ его. Сами собою спали

съ рукъ и шеи узника желѣзныя оковы и ноги его освободились отъ тяжелой колоды.

Когда объ этомъ донесли Царю, онъ болѣе ожесточился и воскликнулъ: «чары, чары сотворилъ Филиппъ, измѣнникъ мой!» однако пораженный такою необычайностію, велѣлъ перевести его въ монастырь Св. Николая, что нынѣ Греческій, на Никольской улицѣ. Въ это время многіе родственники св. Филиппа невинно были казнены. Іоанну хотѣлось привести въ забвеніе у народа, глубоко сострадавшаго невинному страдальцу, память о немъ назначеніемъ новаго митрополита. Вмѣсто св. Филиппа возведенъ былъ на митрополію Кириллъ, Троицкій архимандритъ. Хотя избранный былъ добрый старецъ, но народъ не могъ забыть любимаго своего Святителя: постоянно отъ утра до вечера толпился вокругъ Никольскаго монастыря, стараясь замѣтить хотя тѣнь первосвятителя въ окнѣ. Іоаннъ не могъ вынести такой въ народѣ привязанности къ св. Филиппу. Онъ велѣлъ перевести его изъ Москвы въ Тверской Отрочь монастырь.

Дорогою святитель-мученикъ долженъ былъ вытерпѣть много страданій. Худо защищенный одеждою отъ декабрьской стужи, при безпокойной ѣздѣ и непрестанныхъ грубостяхъ и ругательствахъ своего безчеловѣчнаго пристава Степана Кобылина,

онъ терпѣлъ холодъ и голодъ. Но, подобно Іову, переносилъ все съ твердостію мучениковъ первыхъ вѣковъ, оживляя себя непрерывною мыслію о Господѣ.

Около года святитель жилъ въ своемъ заточеніи. Насталъ конецъ его испытаніямъ. Въ декабрѣ 1569 года Царь собрался съ своею дружиною излить свой гнѣвъ на Новгородъ и Псковъ за мнимую измѣну. На пути сопровождавшій его Малюта Скуратовъ былъ имъ посланъ въ Отрочь монастырь съ преступнымъ порученіемъ. Святитель Филиппъ за три дня до его прихода говорилъ бывшимъ съ нимъ: «конецъ моимъ подвигамъ пришелъ,— отшествіе мое близко». Самъ пріобщился Св. Таинъ. Приходитъ Малюта. Святитель, зная, зачѣмъ онъ пришелъ, спокойно встрѣтилъ его. Скуратовъ, смиренно кланяясь ему, говоритъ: «Владыко Святый, подаждь благословеніе Царю идти въ Великій Новгородъ».

Филиппъ не далъ ему благословенія, но отвѣчалъ: «не кощунствуй! А дѣлай то, за чѣмъ пришелъ ко мнѣ».

Потомъ возвелъ къ святой иконѣ взоръ свой и вотъ слова его послѣдней земной молитвы:

«Владыко Господи, Вседержителю, пріими съ миромъ духъ мой; посли Ангела мирна отъ пресвятыя славы Своея, наставляюща мя усердно къ

Трисолнечному Божеству; да не возбранен ми будетъ путь отъ начальника тьмы со отступными его силами, и не посрами мя предъ Ангелы Твоими и лику избранныхъ мя причти, яко благословенъ во вѣки, аминь».

Въ это мгновеніе «каменносердечный мужъ» схватилъ подушку и ею, зажавъ святыя уста, задушилъ Святителя. Скуратовъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ смерти св. Филиппа, идетъ къ настоятелю и, какъ бы пораженный нечаянностію, извѣщаетъ его о скоропостижной смерти узника; сталъ еще укорять его въ небрежномъ хожденіи за нимъ, представляя, что онъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келліи. Всѣхъ объялъ ужасъ. Скуратовъ велѣлъ тотчасъ рыть глубокую могилу за олтаремъ соборной, монастырской церкви Св. Троицы. Неизвѣстно, совершенъ ли былъ обрядъ погребальный; но чрезъ часъ послѣ мученической кончины Святителя, его святыя останки были похоронены въ присутствіи Малюты. Понедѣльникъ, 23 декабря 1569 г., былъ днемъ кончины великаго іерарха-мученика Русской Церкви.

Судъ праведный постигъ всѣхъ враговъ Святителя Филиппа. Малюта Скуратовъ вскорѣ былъ тяжело раненъ, а чрезъ три года былъ убитъ на войнѣ. Прочіе враги Святителя подверглись различной опалѣ Царя; кто былъ посланъ имъ въ

заточеніе, а кто былъ преданъ смерти. Этими казнями Царь хотѣлъ примириться съ памятію мученика, но напрасно: совѣсть страшно карала его.

Не долго покоились св. останки Святителя Филиппа въ Тверскомъ монастырѣ. По смерти Іоанна Васильевича вступилъ на престолъ сынъ его Θеодоръ Іоанновичъ. На седьмомъ году его царствованія чрезъ двадцать одинъ годъ по преставленіи Святителя Филиппа, игуменъ Соловецкаго монастыря съ братіею молилъ Царя дозволить имъ перенести останки Святителя изъ Отроча монастыря въ Соловецкій. Когда съ его дозволенія приступили къ перенесенію ихъ, тѣло Святителя обрѣтено было нетлѣннымъ; самая одежда на немъ найдена въ цѣлости. Отъ мощей источилось благовонное муро. Братія Соловецкаго монастыря съ подобающею честію перенесла мощи Святителя Филиппа въ свой монастырь. Радостію исполнилась лавра Соловецкая, услышавъ о возвращеніи блаженнаго отца своего, и встрѣтила при пѣніи священныхъ гимновъ сокровище, которое не надѣялась уже получить. Рака мощей внесена была въ храмъ Преображенія, сооруженный Филиппомъ, и когда, на другой день, ударили въ било къ утреннему славословію, настоятель, предварившій братію, изумился благовонію, исполнившему весь храмъ, отъ мура, источившагося отъ св. мощей.

По совершеніи службы, съ подобающею честію было положено тѣло Святителя на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ самъ указывалъ въ дни своей жизни.

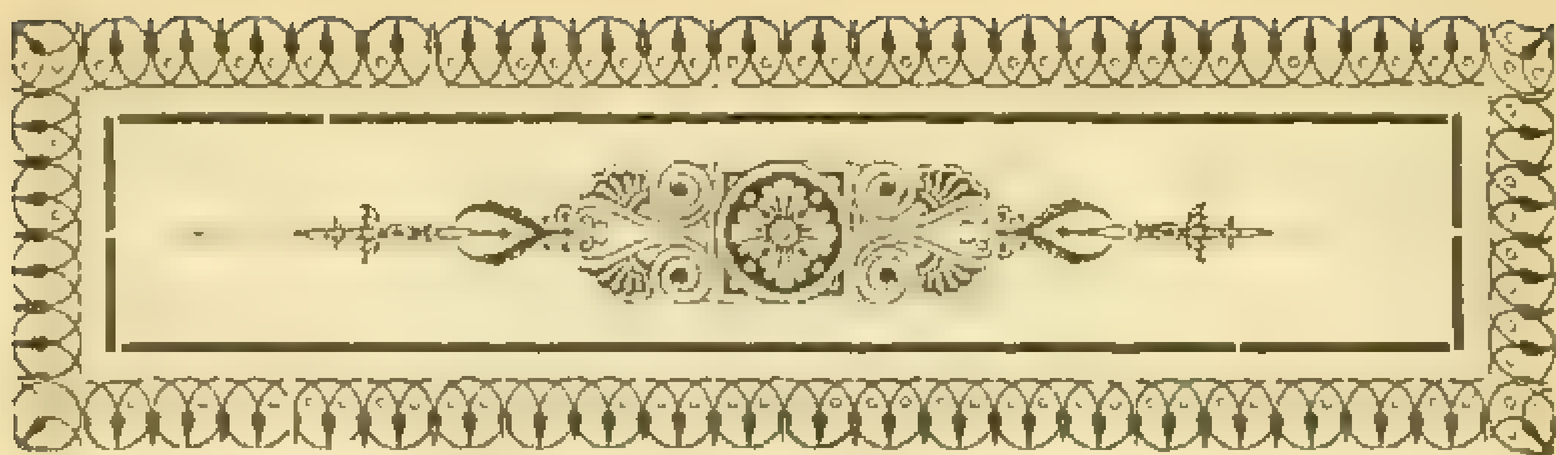
Святость святителя-мученика вскорѣ же просіяла обильными чудесами, слава о которыхъ распространилась повсемѣстно: все сѣверное поморье притекало въ обитель Соловецкую, для поклоненія гробу Святителя Филиппа. Въ этой обители покоились святыя останки его въ продолженіи 55 лѣтъ. Въ 1646 г., 29 апрѣля, присланы изъ Москвы, на Соловки, къ Игумну Иліи, грамоты отъ царя Алексія Михайловича и Патріарха Іосифа о торжественномъ открытіи мощей Святителя и Чудотворца Филиппа. Обрадованные иноки съ обычными обрядами изнесли гробъ изъ земли, переложили мощи въ новую раку и поставили ихъ въ Преображенскомъ соборѣ. При этомъ хотѣли было перемѣнить одежду на Чудотворцѣ, но нашли это излишнимъ: погребальныя ризы Святителя нисколько не обветшали, хотя пролежали въ землѣ 87 лѣтъ.

Въ началѣ 1652 г. соборомъ опредѣлено перенести мощи святаго Филиппа въ Московскій Успенскій соборъ. За мощами Святителя былъ отправленъ царемъ Алексіемъ Михайловичемъ Новгородскій митрополитъ Никонъ, съ умилительною грамотой, обращенною къ св. Филиппу. Эта грамота заключалась слѣдующими словами: «О священная

глава, святый владыка Филиппъ, пастырь нашъ! молимъ тебя не презри нашего грѣшнаго моленія, пріиди къ намъ съ миромъ. Царь Алексій, желающій видѣть тебя и поклониться мощамъ твоимъ святымъ». Когда Никонъ читалъ царское посланіе предъ лицомъ настоятеля и всей братіи Соловецкой обители, то отъ умиленія плакалъ и прерывалъ чтеніе. Раку со св. мощами иноки поставили на одръ и, покрывъ ее царскими покровами, съ подобающею честію понесли изъ церкви при пѣніи псалмовъ, со свѣчами и кадилами, при звонѣ колоколовъ прямо къ лодкѣ. Многіе тутъ проливали слезы, одни отъ радости возвращенія, другіе же отъ печали разлуки. Никонъ съ этою святынею прибылъ въ Троицкую лавру. Царь Алексій Михаіловичъ приготовилъ въ Москвѣ великолѣпную встрѣчу. Третьяго іюля мощи были торжественно встрѣчены Москвою близъ церкви Троицы на Капелькахъ, на мѣстѣ, донынѣ называемомъ «у креста» (въ память этого событія здѣсь поставленъ дубовый крестъ, о которомъ упоминается уже въ 1660 г. и который сохраняется донынѣ въ часовнѣ близъ Троицкой заставы). Царь съ нѣкоторыми изъ близкихъ людей несъ драгоцѣнное бремя на головѣ до самаго Кремля. Во время шествія нѣкоторые больные получили отъ угодника Божія исцѣленіе. Мощи были поставлены въ Успенскомъ соборѣ. Десять

дней стояли они среди церкви, отъ утра до вечера наполненной народомъ. По меньшей мѣрѣ два, три человѣка въ сутки, а то пять, шесть, семь. получали исцѣленіе. Мощи св. Филиппа, переложенныя въ серебряную раку, помѣщены были 19 числа подлѣ иконостаса въ углу на правой сторонѣ, гдѣ и донынѣ почиваютъ, источая исцѣленія вѣрующимъ.

Участіе духовныхъ лицъ въ знаменитой Куликовской битвѣ

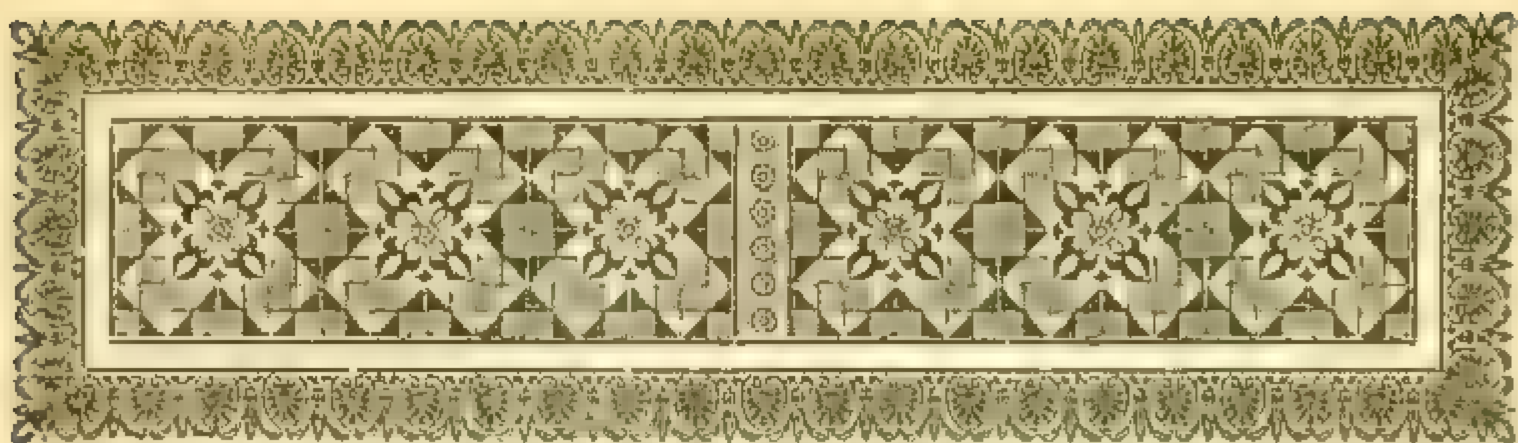
Въ то время, когда Ордынскій владѣлецъ Мамай, омраченный злодѣяніями и объятый гордостію, замыслилъ, подобно Батыю, разорить и поработить Россію; когда онъ уже явно и торжественно возвѣщалъ о семъ: въ то самое время русскіе духовные присовѣтывали Князю Димитрію Ивановичу (Донскому) обнаружить уступчивость и, для пощады подданныхъ, отправить дары къ надменному хану. Митрополитъ Кипріанъ первый предложилъ этотъ миролюбивый совѣтъ. Православный Князь, дорожа спокойствіемъ и кровію подданныхъ, немедленно послалъ въ орду Захарія Тютчева съ богатыми дарами. Смиреніе не укротило гордыни. Надлежало ополчиться и отражать силу силою. Сердце Отца-Вѣнценосца стѣсняется лютой скорбію отъ одной мысли, что польется кровь чадъ его по сердцу и братій по вѣрѣ... Въ этой душевной скорби русскій Князь посѣщаетъ святую обитель Троицкой Лавры, гдѣ пребывалъ мужъ, укра-

шенный всѣми добродѣтелями, угодными небесамъ и созидающими на землѣ счастіе людей. 1380 года. въ 18-й день августа, Князь Димитрій Ивановичъ пришелъ въ монастырь къ игумну Сергію. Между тѣмъ. приспѣваютъ вѣстники и объявляютъ, что несмѣтныя полчища кровожаднаго Мамая часъ отъ часу тѣснятся ближе къ сердцу Россіи. Князь Димитрій хочетъ немедленно отъѣхать къ войску. Преподобный Сергій его удерживаетъ и приглашаетъ къ трапезѣ. По окончаніи умѣренной трапезы, Димитрій Ивановичъ испрашиваетъ у Сергія двухъ иноковъ. Пересвѣта и Ослябя, знаменитыхъ породою, а еще болѣе извѣстныхъ умѣніемъ устроивать полки и водить ихъ къ славѣ и побѣдѣ. Сергій повелѣваетъ Пересвѣту и Ослябу приготовиться къ ратному подвигу: самъ влагаетъ въ руки ихъ оружіе на защиту вѣры и отечества; вручаетъ ихъ Князю и говоритъ: «прими моихъ воиновъ, да раздѣлятъ они съ тобою бѣдствія, постигшія землю русскую». И обратясь къ воинственнымъ инокамъ, прибавляетъ: «миръ вамъ, братіи мои возлюбленные. миръ вамъ, Ослябъ и Пересвѣтъ; ступайте, какъ добрые воины Христа Спасителя. пострадайте за землю русскую. Насталъ часъ вашего подвига; кровію своей искупите вѣру и отечество». Послѣ сихъ словъ Преподобный Сергій благословляетъ Князя,

воеводъ и бояръ, и вѣщаетъ имъ: «Богъ вамъ помощникъ и защитникъ: Господь Богъ побѣдитъ и низложитъ враговъ горделивыхъ»

Уже Великій Князь Димитрій Ивановичъ на полѣ чести, славы и смерти. Не себя жалѣя, но людей русскихъ Димитрій останавливается при видѣ несмѣтныхъ скопищъ горделиваго Мамая. Преподобный Сергій, недремлющимъ окомъ наблюдая безопасность отечества, отправляетъ къ Димитрію пословъ съ увѣщаніемъ: «да не страшится онъ множества враговъ, и да идетъ на нихъ небоязненно съ вѣрою и Богомъ». Укрѣпясь вѣрою и увѣщаніемъ великаго пастыря, Димитрій двинулся и перешелъ за р. Донъ. Подъ развивающимися ратными и священными знаменами, инокъ Пересвѣтъ первый прославился: поразилъ сильнаго татарскаго наѣздника, и кровію своей запечатлѣлъ любовь къ вѣрѣ и отечеству. Самъ Богъ, Богъ земли русской, вступился за правду: исчезли полчища горделиваго Мамая; побѣда увѣнчала вѣру и вѣрность. Слава *Задонскаго* побоища (на *Куликовомъ* полѣ, въ нынѣшней Тульской губерніи) гремитъ и не умолкаетъ въ вѣкахъ. Справедливость велитъ помнить, что русскіе духовные непосредственно участвовали въ этой знаменитой побѣдѣ, положившей первое основаніе освобожденію отъ татарскаго ига.

Непосредственное участіе духовенства въ сохраненіи вѣры и отечества во время междуцарствія

Въ трехлѣтнее междуцарствіе (съ іюня 1610 г. по февраль 1613 г.), прозванное въ простонародіи «лихолѣтіемъ», русская земля оставалась безъ Царя—и при томъ въ самомъ ужасномъ, бѣдственномъ положеніи безначалія и невѣроятнаго насильничанія со стороны вторгшихся въ нашу землю враговъ—поляковъ, которыхъ подстрекалъ къ нападенію на насъ римскій папа, задумавшій силою принудить предковъ нашихъ отказаться отъ православія и принять, вмѣсто него, римскую латинскую вѣру.

Вотъ какъ очевидецъ событій, Авраамій Палицынъ, описываетъ это страшное время:

«Гибли отечество и церковь; храмы истиннаго Бога разорялись; скотъ и псы жили въ алтаряхъ, воздухами и пеленами украшались кони; злодѣи пили изъ святыхъ потировъ; на иконахъ играли

въ кости: въ ризахъ іерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, священниковъ палили огнемъ, допытывались сокровищъ; отшельниковъ, схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а безмолвствующихъ убивали... Люди уступили свои жилища звѣрямъ: медвѣди и волки, оставивъ лѣса, витали въ пустыхъ городахъ и весяхъ; враны плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ человѣческихъ: малыя птицы гнѣздились въ черепахъ. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались.

«Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и пещерахъ невѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя изъ нихъ обсушиться. И лѣса не спасали; люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей: матери, укрываясь въ густотѣ древесной, страшились вопля своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и душили ихъ до смерти.

«Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи, ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собой — домы и скирды хлѣба, — да будетъ Россія пустынею необитаемою».

Въ этомъ краткомъ свидѣтельствѣ описаны далеко еще не всѣ звѣрства поляковъ въ особенности по отношенію къ слабому и беззащитному въ такое время женскому полу, когда многіе отцы, мужья и братья, спасая отъ назойливыхъ гостей

свою фамильную честь и честь своихъ дочерей, женъ и сестеръ, убивали сначала ихъ, а потомъ себя самихъ», говоритъ тотъ же очевидецъ *).

Въ описанное страшное время одна вѣра сохранила Россію и соблюла то, чѣмъ спасаются царства отъ всѣхъ бурь и мятежей. Силою увѣщаній духовныхъ лицъ уцѣлѣла русская вѣрность къ Престолу и законной власти.

Незабвененъ подвигъ въ это тяжелое время Пожарскаго и Минина; но и этотъ подвигъ совершенъ подъ вліяніемъ нашихъ духовныхъ пастырей, при ихъ непосредственномъ участіи. Подлинныя грамоты, писанныя во время междуцарствія, убѣдительно о томъ свидѣтельствуютъ. Прокопій Ляпуновъ, доблестный слуга и защитникъ отечества, въ отпискѣ своей изъ Рязани въ Нижній-Новгородъ, говоритъ ко всѣмъ людямъ нижегородскимъ: «по благословенію Святѣйшаго Гермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи, и по совѣту всей земли, идите изъ Нижняго къ Москвѣ тотчасъ». Если бы патріархъ Гермогенъ не одушевлялъ Россіянъ своей вѣрою тогда, когда не было никакихъ гражданскихъ властей, то рѣшительно можно сказать, что въ землѣ русской не было бы ни совѣта, ни едино-

*) Странникъ 1899 г. Іюньск. кн. стр. 233—234.

душія. Московскіе жители, очевидцы мужественныхъ и великодушныхъ подвиговъ великаго своего пастыря-патріарха, въ грамотѣ своей во всѣ русскіе города пишутъ: «первопрестольникъ Апостольскія церкви, Святѣйшій Гермогенъ патріархъ прямъ, яко самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ несумнѣнно; а ему всѣ христіане послѣдуютъ, лишь неявственно стоятъ». Не укоримъ тѣхъ, которые хотя и привержены были къ вѣрѣ, но не смѣли вдругъ и явственно стать за вѣру и отечество. Не всѣмъ дана одинаковая твердость и непоколебимость. Но вскорѣ всѣ люди русскіе явно стали и ополчились потому, что великій пастырь Церкви Гермогенъ непрестанно являлъ, словомъ и дѣлами, что онъ «несумнѣнно» полагаетъ душу свою за вѣру. Онъ положилъ душу за вѣру, и вѣра уцѣлѣла.

Не стало Гермогена, великаго страдальца за вѣру и отечество (онъ заморенъ былъ поляками голодомъ); но къ счастію *наши духовные* по примѣру его рѣшились полагать душу за вѣру и отечество.

Подъ мракомъ грозной тучи, носившейся надъ Россіею, Троицкая Лавра сіяла подобно лучезарному свѣтилу, къ которому устремлялись всѣ взоры вѣрныхъ Россіянъ. Три вдохновенные мужа: Іоасафъ,

ревностный Авраамій Палицынъ и усердный къ Богу Діонисій,—эти три мужа съ знаменіемъ вѣры ополчились къ укрощенію бури, волновавшей отечество наше *). Отрекшись отъ самихъ себя, они помышляли только о спасеніи вѣры и отечества. «Отдадимъ все неимущимъ нашимъ братьямъ» —вѣщалъ Діонисій; «Отдадимъ все воинамъ.—Царства и властительства пали отъ неправды и междоусобія. Однимъ сердцемъ, одною душою возстанемъ къ оборонѣ Россіи!» — «Возстанемъ!» — писалъ Авраамій Палицынъ; — возстанемъ заблаговременно: если упустимъ время, мы погибнемъ, мы будемъ жертвою враговъ!»

Къ возбужденію единодушія и согласія, архимандритъ Діонисій изъ Троицкой Лавры разослалъ по городамъ русскимъ болѣе двухсотъ увѣщательныхъ грамотъ. Воеводъ, бояръ и простыхъ людей убѣждалъ онъ въ томъ, что братолюбіе и согласіе спасаютъ царства и народы. Онъ представляетъ разительные примѣры, какимъ образомъ сильныя области погибли отъ раздора, и какъ Богъ возвышалъ царства за правду и за добрыя дѣла.

*) Въ *канонѣ* Преподобному Діонисію сказано: «*преста волненій отечества нашего буря, егда явишася вѣрніи по вѣрѣ кормчіи, мудрый Іоасафъ, ревностный Авраамій и усердный по Бозѣ Діонисій*».

Ставъ на неусыпную стражу отечества, архимандритъ Діонисій сказалъ: «Домъ Пресвятыя Троицы не запустѣетъ! ничего не пощадимъ для бѣдныхъ; ничего не пожалѣемъ для раненыхъ воиновъ. Жизнь наша въ вѣрѣ и въ служеніи ближнимъ». Монастырскія сокровища открылись въ пользу бѣдныхъ и раненыхъ. Изъ вкладовъ, внесенныхъ въ монастырь, щедро выдавали на пищу бѣднымъ, на одежду, на леченіе раненыхъ, на погребеніе неимущихъ. Во время своей болѣзни, приключившейся отъ неусыпныхъ заботъ о пользѣ ближнихъ, Діонисій поручилъ смотрѣніе за больными старцу Дороѳею. Сей человѣколюбивый старецъ цѣлыя ночи бесѣдовалъ съ больными и увѣчными, вѣра побѣждаетъ и сонъ, и голодъ, и смерть! Для перевязки раненыхъ выдавали платки, полотенцы, и снабжали ихъ монастырскимъ бѣльемъ, одеждой и деньгами. «Не пощадимъ ничего» — говорилъ Діонисій: — «не пощадимъ и жизни своей. За наше нерадѣніе, за нашу скупость Богъ можетъ насъ смирить безъ меча и силы враговъ. Не будемъ сами себѣ врагами, и отечество спасется».

Сорокъ дней въ братской трапезѣ не употребляли кваса и питались однимъ овсянымъ хлѣбомъ; все прочее отдавали страдальцамъ, а три

дня былъ всеобщій строгій постъ. Смиреніе и раскаяніе примирило землю съ небесами. Вѣсть о пожертвованіяхъ, принесенныхъ Троицкою Лаврою отечеству, и грамоты, повсемѣстно разосланныя оттуда, оживили сердца россіянъ священною ревностію.

Первые лучи радостной надежды блеснули въ стѣнахъ Нижняго-Новгорода. Одушевясь грамотами Діонисія и Палицына, Нижегородскій мясной продавецъ Козьма *Мининъ*, по прозванію *Сухорукій*, возбудилъ согражданъ своихъ ко всеобщему вооруженію и къ пожертвованію имуществъ своихъ для войска. Всѣ согласились. Князь Дмитрій *Пожарскій* избранъ вождемъ, а Мининъ воинскимъ казначеемъ. Служа нѣкогда въ полкахъ, онъ зналъ нужду воиновъ. Пожарскій и Мининъ быстро потекли къ избавленію престольнаго града. *)

Услыша о нижегородскомъ ополченіи, враги требовали, чтобы патріархъ Гермогенъ не допустилъ его къ Москвѣ. Гермогенъ отвѣчалъ: «благословенни защитники отечества! погибнутъ враги его». Злодѣи обрекли неустрашимаго страдальца въ жертву голодной смерти. Гермогенъ скончался

---

[1]) Въ канонѣ преподобному Діонисію сказано: *Умилившася грамотами, Пожарскій и Мининъ потекоша на избавленіе отечества.*

17 февраля 1612 года. Онъ не видѣлъ избавленія отечества, но онъ предвѣстилъ оное.

Князь Пожарскій, пройдя съ Мининымъ и съ войскомъ въ Ярославль, остановился. Льстецы и коварные искатели личныхъ выгодъ, занимали Князя Пожарскаго пиршествами и сѣяли раздоръ въ полкахъ русскихъ. Діонисій и Авраамій Палицынъ неоднократно отправляли въ Ярославль нарочныхъ, просить Пожарскаго, чтобы онъ спѣшилъ подъ Москву и упредилъ-бы нашествіе гетмана Хоткевича. И великій человѣкъ, какъ человѣкъ, не рѣдко на пути добра останавливается! Льстецы и злоумыслители какъ будто-бы сѣтями опутали князя Пожарскаго и приковали его въ Ярославлѣ. Наконецъ, Авраамій Палицынъ самъ рѣшился туда идти. Непоколебимымъ гласомъ вѣры и отечества вѣщалъ онъ Пожарскому, Минину и войску: «Вы начали доброе дѣло, вамъ и кончить его должно. Если вы не предупредите враговъ, поспѣшающихъ съ свѣжимъ войскомъ, то Россія погибнетъ». Уже они готовы согласиться; между тѣмъ, не дремлетъ и коварство, оно домогается слухъ и душу Пожарскаго возмутить вѣстями, будто-бы его умыслили въ Москвѣ убить. Возражая на клеветы коварства, великодушный Келарь вѣщалъ Пожарскому: «Помни, что злодѣи могутъ поразить

тѣло твое, но души твоей не коснутся. Если ты и пострадаешь, помни, что ты пострадаешь за вѣру и примешь мученическій вѣнецъ». Пожарскій поспѣшилъ къ Москвѣ.

Дойдя до Троицкой обители, ополченіе снова возмутилось междоусобіемъ; снова разнеслись слухи, что Пожарскаго для того единственно заманиваютъ въ Москву, чтобы тамъ убить его. Авраамій Палицынъ, ободряя Пожарскаго, и здѣсь какъ и въ Ярославлѣ, убѣждаетъ его: «Князь! злодѣи, покушающіеся на жизнь твою, не могутъ коснуться твоей души: славно быть страдальцемъ за вѣру и отечество!».

Устроилось войско: Пожарскій и Мининъ прибѣгли къ чудотворцамъ Сергію и Никону. Архимандритъ Діонисій, благословя ихъ, пошелъ за Пруды, сталъ на горѣ Волкушѣ, откуда осѣнялъ крестомъ полки; священники окропляли ихъ святою водою.

Въ сіе время отъ Москвы дулъ сильный сопротивный вѣтеръ: войско содрогнулось. Съ трепетомъ прикладывались воины ко кресту; принимая благословеніе у Діонисія. Когда же пришла очередь благословляться начальникамъ, вдругъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ въ тылъ. Діонисій воскликнулъ. «Богъ съ нами! Да поможетъ намъ великій Чудотворецъ Сергій постра-

дать за вѣру и за домъ Пресвятой Богородицы!» Палицынъ сопутствовалъ Пожарскому въ Москву.

1612 года 23 августа Пожарскій сразился съ Гетманомъ Хоткевичемъ. Князь Трубецкой. завидуя Пожарскому, не хотѣлъ помогать его войскамъ. Дружины Пожарскаго, изнемогая отъ сильнаго боя, со слезами вопіяли: «мы не защитимъ престольнаго града: Богъ насъ оставилъ». Пожарскій призываетъ Палицына. Воины. увидя его. воскликнули: «мы неустоимъ безъ казаковъ». Не устрашаясь явной опасности, Палицынъ спѣшитъ къ казакамъ, стоявшимъ передъ храмомъ Климента Святаго. «Отъ васъ» сказалъ онъ казакамъ: «отъ васъ началось доброе дѣло; вы неусыпно стояли за вѣру православную: вы претерпѣвали раны; вы переносили бѣдность и голодъ; о мужествѣ вашемъ гремитъ молва въ дальнихъ государствахъ! не погубите славы и заслугъ своихъ!» Казаки воскликнули: «умремъ за вѣру! не погубимъ славы нашей!» Палицынъ прибавилъ: «ополчась на враговъ, возглашайте имя Сергія; вы узрите славу Божію!» Увѣщанія Троицкаго келаря соединили всѣ полки казацкіе; быстро полетѣли они къ дружинамъ Пожарскаго и отразили враговъ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Китай городъ очищенъ былъ казаками, а кремль сдался Пожарскому. Сила враговъ исчезла; но зависть и междоусобія все еще свирѣпствовали. Казаки требовали у Пожарскаго платы; Авраамій Палицынъ былъ тогда въ Троицкой обители. Издержавъ всѣ деньги на пользу отечества, онъ послалъ къ казакамъ драгоцѣнныя ризы и прочія церковныя сокровища. «Примите»,—писалъ онъ,—примите все сіе въ залогъ; не оставляйте только дѣла своего: защищайте вѣру и градъ престольный. Вы много претерпѣли, вы много понесли нуждъ и трудовъ; мужайтесь! крѣпитесь! Богъ не оставитъ васъ. Поддержите славу свою новымъ рвеніемъ къ славѣ и отечеству!» При чтеніи сего письма казаки зарыдали и немедленно отправили къ Палицыну двухъ атамановъ со всѣми вещами, присланными изъ Троицы.

«Возвращаемъ вамъ», отвѣчали они: «возвращаемъ все принадлежащее дому живоначальной Троицы. Готовы терпѣть многочисленныя скорби и бѣдствія: не оставимъ дѣла нашего: рады биться до изнеможенія силъ за градъ престольный и за вѣру православную.»

Дѣяніе патріарха Гермогена, дѣянія архимандрита Діонисія, подвиги келаря Авраамія Пали-

цына непосредственно сопряжены съ подвигами Минина и Пожарскаго. Убѣдимся еще и въ томъ, что безъ вѣры нѣтъ ни истинной чести, ни славы, ни любви къ отечеству *).

*) «Русскіе анекдоты или повѣствованіе о народныхъ добродѣтеляхъ россіянъ древнихъ и новыхъ временъ. *С. Глинки.* Москва. 1822 г. ч. I.

СОДЕРЖАНІЕ.

2007050132